Талисман Карла Смелого

Автор:
Жюльетта Бенцони

Талисман Карла Смелого

Жюльетта Бенцони

Талисман Карла Смелого #1

В 1476 году Карл Смелый, спасаясь бегством от швейцарских войск, оставляет свои драгоценности. Среди них и талисман Карла – брошь, украшенная тремя рубинами, именуемыми «Три Брата», и бриллиантом «Великий Алмаз Бургундии». С тех пор никто не видел потерянных драгоценностей. Лишь пять веков спустя камни Карла попадут в руки к князю Альдо Морозини и перевернут всю его жизнь с ног на голову… Окажется, что он не единственный обладатель знаменитых драгоценностей. В коллекции зятя Морозини – Морица Кледермана – уже есть камни Карла Смелого. Альдо Морозини предстоит выяснить, чьи же настоящие, а чьи лишь искусная подделка….

Жюльетта Бенцони

Талисман Карла Смелого

Juliette Benzoni

LE TALISMAN DU TEMERAIRE T1

Copyright © Plon, 2013

© Кожевникова М., Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Грансон. Суббота, 2 марта 1476…

Серое небо. Туман. День обещает быть холодным. Горы Обер Габельхорн и Шассераль по левую руку от военного лагеря покрыты снегом. Вода Невшательского озера поблескивает, словно ртуть. Господин Панигарола, посол герцога миланского, вышел из своего шатра и провожает взглядом сеньора, к которому был послан и который сумел расположить его к почтительной дружбе, – Великого герцога Запада, Карла. Своими подвигами Карл снискал себе прозвище Смелого. Герцог Бургундский по-прежнему верен своей мечте, а мечтает он восстановить древнее Бургундское королевство, объединив под своей короной богатые земли Фландрии, герцогство Бургундское, Франш-Конте, и ниже – долину Роны, которая ведет к Провансу. Не посягает он лишь на герцогство Лотарингское и швейцарские кантоны, потому что герцогиня Иоланда Савойская его союзница.

Союзница, несмотря на то, что она родная сестра жесточайшего врага Карла, французского короля Людовика XI. Гений дипломатии и политической интриги, Людовик XI получил прозвище Всемирный паук за то, что тихо и незаметно плетет свои опасные сети, предпочитая расплачиваться золотом, а не проливать кровь своих людей, потому что дорожит ими. На первый взгляд король незначителен, особенно если не облачен в мантию и корону с золотыми лилиями, зато как внушительно выглядят его телохранители-шотландцы[1 - Шотландцы останутся главным подразделением личной охраны короля вплоть до Великой Французской революции. (Прим. авт.)], лучшие воины на свете!

Панигарола привязался к Карлу и сожалел, что в Великом герцоге Запада нет и малой толики пусть опасного, но полезного коварства, что герцог только и умеет, что гордиться своей властью и своим богатством, будучи, наверное,

самым состоятельным князем Европы. Из детей у Карла только одна дочь, Мария, подаренная ему первой женой Изабеллой Бурбонской, единственной женщиной, которую он любил в своей жизни. Марию герцог предназначил в жены сыну императора и желал, чтобы и сама она стала дочерью короля, когда та вложит свою хорошенькую ручку в руку жениха-принца. Осуществления этой мечты Карл и добивался с таким фанатичным упорством, что благоразумному Панигароле оно стало казаться опасным безумием.

У миланского посла вдруг возникло ощущение, что это сырое холодное утро не изгладится из его памяти до смертного часа. Это подсказало ему щемящее сердце, когда он провожал взглядом удалявшуюся фигуру рыцаря, закованного в железо, с золотым львом на нашлемнике, сидящем на блистающем металлом и золотом сказочном чудище, в которое превратили доспехи Мавра, любимого боевого коня принца. Как же великолепен был этот рыцарь-воин под струящимся пламенем герцогского стяга в руках знаменосца!

Вокруг принца гарцевали рыцари его ордена, ордена Золотого руна, который он основал, и узнать их можно было лишь по гербам – пестрому миру грифонов, леопардов, орлов, быков, химер и сирен. Цветок золотой лилии с лепестками из аметиста покачивался над головой Мавра – символ-издевка, потому что Карла и всех его потомков навечно наградили лилией французские короли, его предки, а теперь он воевал с королем французов и ненавидел его[2 - Французский король Иоанн II Добрый наградил за доблесть в битве при Пуатье младшего из своих сыновей, Филиппа, который получит прозвание Смелого, богатым герцогством Бургундия. Сыном Филиппа был Филипп II Добрый, ставший отцом Карла, которого тоже прозвали Смелым. (Прим. авт.)].

Панигарола отвел глаза от сиявшего великолепием герцога и взглянул на его войско. И с немалым удивлением отметил, как странно оно перемещается: часть воинов петляет по склону среди виноградников по старинной римской дороге Виа Детра, другая огибает Грансон, направляясь вниз, к берегу озера, собираясь, очевидно, двинуться в сторону Невшателя. Именно там намерен герцог наказать «швейцарских мужланов»; он так уверен в победе, что не счел даже нужным построить своих солдат, разделить их на отряды. Солдаты двигались беспорядочной толпой с несвойственной им беспечностью. Наверное, потому, что не ожидали впереди сражения, надеясь застать крестьян врасплох. В полдень, когда те сядут обедать.

Отважному Карлу и в голову не приходило, что кантоны соберут на битву с ним лучших воинов, а воинов в этом краю ровно столько, сколько есть в нем взрослых мужчин. Карл не подозревал, что встретится с лучшей в Европе пехотой. Он об этом не знал и не думал. Ехал себе на коне и вел приятную беседу со сводным братом Бодуэном, с принцем Оранским, Жаном де Лаленом и Оливье де Ла Бомом…

Внезапно внимание Панигаролы привлек странный звук. Он был похож на донесшийся издалека рев и казался ужасным.

– Что это? – спросил посол пажа.

Паж ответил:

– Я слышал, сеньор, что швейцарцы, собираясь в бой, берут с собой рога, до того огромные, что рог упирается в землю перед тем, кто в него дует. Рев их страшен, он похож на бурю. Они еще далеко, но это значит…

Договаривать не было необходимости, Панигарола все понял. Герцог двигался прямиком в расставленную ловушку. Он встретит швейцарцев очень скоро, не доходя до Невшателя, а если решит повернуть обратно к лагерю, горцы отрежут ему дорогу к Грансону, где на стенах замка все еще висят тела горожан-нотаблей, которых Карл приказал вздернуть, прежде чем встал лагерем на холме. Как же предупредить его? Как избежать катастрофы?

Последствия драмы обнаружились к полудню. В лагере внезапно увидели войско бургундцев. Оно близилось, походя на могучий вал, смешавший людей, лошадей, повозки. Вал набухал, катил, сметая все на своем пути, а грозный рев рогов раздавался все ближе, сея панику. В рев вклинился пронзительный крик:

– Спасайся, кто может!

И вал, набравший отчаянную силу, уже ничто не могло остановить. Панигарола еще стоял в растерянности, когда всадник, покрытый кровью и пылью, крикнул ему:

– Уходите и уводите людей! Герцог отходит к Нозеруа!

– А что будет с лагерем? С герцогским шатром?

Лагерь был огромным. В великолепном герцогском шатре находилось личное имущество герцога, все его сокровища.

– К черту лагерь! К черту сокровища! Речь идет о жизни и смерти!

Миланский посланник, его свита и все другие чужеземные послы мигом вскочили в седла и помчались, бросив огромный лагерь, богатые шатры и теперь уже совершенно бесполезные пушки.

Луч солнца внезапно пробился сквозь серую пелену облаков, и на пурпурном шатре Карла вспыхнуло искрами золотое шитье. Смелый бежал. Сражаться было бессмысленно. Но победителям не было дела до Карла. Швейцарцы наводнили лагерь и с победными криками принялись растаскивать доставшиеся им богатства.

Кроме шатров, затянутых изнутри удивительными тканями, кроме лошадей и пушек, победителям достались золотые статуэтки святых, реликварии и драгоценная церковная утварь из герцогской часовни, а также серебряная посуда, большая государственная печать герцога, такая же печать Великого бастарда Антуана, множество расшитой золотом одежды, ковры, гобелены, золоченый трон герцога и его неповторимые драгоценности. Парадный головной убор герцога тоже достался врагам. В нем герцог въезжал в завоеванные города. Он один стоил целое состояние: небольшая шапочка, сделанная из золотистого бархата, была вся унизана жемчугом. Впереди блестел бриллиантовый аграф для султана из страусовых перьев, а ниже, над самым лбом, на ободе, который обвивали жемчужные нити, образуя подобие короны, сиял удивительный цветок из драгоценных камней: в центре треугольный бриллиант голубоватого цвета, известный под названием «Великий бриллиант Бургундии», а по его краям три крупных удлиненных темно-красных рубина, их прозвали «Три брата».

«Великий бриллиант Бургундии» не был единственным бриллиантом в сокровищнице Карла, у него были и другие, и даже более крупные, но с этим было связано поверье, которое гласило, что со Смелым ничего дурного не приключится до тех пор, пока волшебный камень будет ему принадлежать. Камень был его талисманом. Карл с гордостью надевал его во время «радостных

въездов» в побежденные города, торжествуя победу.

Он всегда возил его с собой. Точно так же, как всегда возил небольшой алтарь и драгоценную утварь часовни, отделив ее от казны. Но, как видно, он почитал за полное ничтожество своих противников, «деревенских мужланов», и рассчитывал смять их в один миг, если оставил свои сокровища в лагере. Его головной убор был главной его драгоценностью, он был символом и эмблемой его огромного герцогства, которому не хватало всего нескольких феодов, чтобы оно превратилось в королевство.

И вот теперь драгоценный убор лежал в запертом ларце на престоле рядом с троном в почетном зале дворца. Ларец, покрытый парчой, покоился на позолоченных деревянных столбиках, и два воина бились за обладание этим сокровищем. Один – верный Антуан де Боленкур, глава рыцарей ордена Золотого Руна, вернувшийся, чтобы спасти драгоценность. Второй – предатель Кампобассо, самый подлый из предателей, потому что герцог Карл удостоил его своей дружбой, а он продался королю Франции.

И до того ожесточенным был этот поединок, что швейцарцы с охапками награбленного в руках застыли, забыв о дальнейшем грабеже, смотрели и ждали, чем закончится эта схватка. Кое-кто между тем хладнокровно продвигался к ларцу все ближе, в то время как толпа подбадривала бойцов криками и била в ладоши при удачных ударах, наслаждаясь неожиданным спектаклем. Подобравшись к ларцу, этот кое-кто схватил его, приподнял бархатные складки шатра и был таков. Ночь скрыла его следы. И этот человек был самым заурядным воришкой.

Часть первая

Гроза в парке Монсо

Глава 1

Исповедальня

Мари-Анжелин дю План-Крепен сердилась в это утро на весь белый свет, торопясь по улице Мессин под проливным дождем, одной рукой она придерживала шляпу, а другой – свою совсем не маленькую дамскую сумочку. У нее не было третьей руки, чтобы держать зонт, который, впрочем, она позабыла. А точнее, не взяла, считая, что путь ей предстоит недалекий, но тут вдруг небо обрушило на нее ливень, можно даже сказать, целый водопад. А возвращаться было уже некогда, она и так опаздывала в церковь Святого Августина на утреннюю мессу. А все из-за чего? Да из-за перепалки с Сиприеном, старичком мажордомом маркизы де Соммьер, ее родственницы и благодетельницы. А из-за чего они, спрашивается, ссорились? Новая неприятность сбила Мари-Анжелин с мысли. Ноги промокли насквозь: на переходе через улицу Тегеран ее обдала потоком воды машина. Ничего не поделаешь. Для февраля это обычное дело. И, ко всему прочему, все никак не рассветет.

Еще несколько шагов, и Мари-Анжелин наконец оказалась под аркой бокового придела величественного византийско-готического собора. Старик-нищий, как всегда, на своем месте и смотрит на нее с укоризной.

– Страх, как вы припоздали, мадмуазель! – вздыхает он. – Месса-то уж, почитай, закончилась.

– Знаю, знаю, дядюшка Бужю, да что поделать? Не всегда получается так, как хочется! Придется мне теперь прийти на вечернюю мессу.

– Что за незадача! – снова вздохнул он, да так глубоко, что Мари-Анжелин тут же сообразила, почему ее опоздание так огорчительно для старика.

Дело в том, что каждое утро после мессы она давала нищему франк, и он, мечтая об утреннем завтраке, очень на него рассчитывал. Мари-Анжелин тут же достала из кошелька монетку и протянула старичку. Теперь, вместе с остальным сбором после утренней мессы, ему хватит на дневное пропитание и газету. А вечером будет еще три мессы – в семь, восемь и девять часов, а кроме них случаются венчания, крестины и похороны, и все эти подаяния в совокупности составляют капитал стоящего у двери папаши Бужю. По другую сторону двери не менее доходное место, но всюду не поспеешь, так что оно принадлежит Машару. Эта церковь, расположенная в одном из самых богатых кварталов Парижа, приносит обоим старичкам неплохой доход.

Внутри церкви царила полутьма. Мари-Анжелин опустила кончики пальцев в чашу со святой водой, перекрестилась и медленно направилась к часовне Божьей Матери. Только она одна и была освещена позади главного алтаря. Взгляд Мари-Анжелин случайно упал на исповедальню, где какая-то женщина – судя по туфлям, которые были видны из-под занавески, – признавалась в грехах невидимому священнику. Опоздавшая тут же подумала, что, раз уж ей не посчастливилось с утренней мессой, то неплохо бы хорошенько приготовиться к вечерней.

Мало того, что она вот уже две недели не представала перед «судом Господа», она сегодня с утра успела поссориться с Сиприеном, и эта размолвка не выходила у нее из головы.

С тех пор как незамужняя девица, а точнее будет сказать, старая дева, Мари-Анжелин дю План-Крепен поселилась в качестве чтицы и компаньонки у своей родственницы и благодетельницы маркизы де Соммьер в особняке на улице Альфреда де Виньи, она вела нескончаемую войну с мажордомом. По какой же причине? А вот по какой. Достоинства и таланты мадемуазель дю План-Крепен были неисчислимы, а недостаток только один: она была любопытна, как кошка, и обожала первой встречать визитеров и провожать их в зимний сад, где обычно проводила время ее госпожа, сидя в большом белом кресле, похожем на трон. И даже в час чаепития – но будем честными: в любой час дня – маркиза приказывала принести себе и гостям шампанского, предпочитая его «безвкусной английской траве».

Однако мажордом Сиприен считал встречу гостей своей святой обязанностью. Это и служило поводом для беспрестанных столкновений. С годами страсти утихли, но с недавнего времени, когда в просторном вестибюле появился телефон, стычки возобновились. До поры до времени телефона в доме не было, потому что маркиза не могла смириться с мыслью, что ей будут звонить, будто горничной. И телефонный аппарат стоял в привратницкой, у шофера-привратника Люсьена, и чтобы до него добраться, приходилось бегать через весь двор. Однако после недавних и весьма волнительных событий телефон был установлен в доме и теперь стоял в тени большой лестницы на одноногом столике рядом со стопкой бумаги, карандашом и телефонным справочником. Зимний сад можно было соединить с любым абонентом одним нажатием кнопки, но о существовании этой кнопки знал только тесный семейный круг. Соревнование между План-Крепен и Сиприеном возобновилось. Кто ответит на телефонный звонок первым? Сегодня ссора разгорелась всерьез, и Сиприену

даже почудилось, что его назвали «старым упрямым ослом».

Оскорбление попахивало назреванием серьезного конфликта.

Вспыльчивая Мари-Анжелин была вынуждена извиниться. Она сделала это, едва цедя слова, снисходя исключительно к седой голове противника, а теперь искренне сожалела, что обидела старого верного слугу маркизы, и открытая исповедальня – она не ждала, что исповедальня будет открыта в такой ранний час – показалась ей даром небесным. Зайдя в исповедальню с другой стороны, Мари-Анжелин преклонила колени за другой занавеской, перекрестилась, сложила молитвенно руки и постаралась припомнить все, чем согрешила в последнее время, чтобы ничего не упустить.

Она устраивалась в исповедальне достаточно шумно, так что вряд ли ее появление осталось незамеченным. Но теперь она молча стояла на коленях и невольно стала различать голоса, говорившие шепотом по очереди, что напоминало весьма оживленную беседу. Беседа, надо сказать, очень ее удивила. С детства она привыкла, что обряд исповеди и покаяния всегда один и тот же и никогда не меняется. После одного-двух вопросов священника, например, о дате последней исповеди, кающийся добросовестно перечислял свои прегрешения, потом почтительно выслушивал назидание, которое кюре изливал на его склоненную голову, принимал епитимью, – она никогда не бывала чрезмерной, – читал покаянную молитву и получал отпущение грехов. Священник говорил: «иди с миром», окошечко закрывалось, и ты становился возле алтаря или возле какой-нибудь часовни и читал наложенные на тебя в знак покаяния молитвы: например, три раза «Отче наш» и три раза «Богородице Дево, радуйся…».

Но здесь ничего похожего! Быстрый обмен репликами шепотом, очень странный запах, потом приглушенный звук, похожий то ли на стенание, то ли на всхлип. И вместо отпущения грехов пастырем, – а это должен был быть аббат Фромантен[3 - Каждый прихожанин ходил к своему духовнику, поэтому они знали, в какой день какой священник исповедует. (Прим. авт.)] – топот, словно кюре припустил со всех ног и побежал. Немыслимая странность, учитывая застарелый ревматизм пожилого священника!

Мари-Анжелин тут же тоже выбежала из исповедальни, бросила беглый взгляд на ноги, которые теперь торчали из-под занавески, и побежала вслед за священником.

– В какую сторону он побежал? – спросила она у папаши Бужю, который подошел к ней, желая узнать, что случилось.

– В ту! Вверх по бульвару Мальзерб, но…

Мари-Анжелин не стала больше ничего слушать. Не то чтобы в голове у нее сложился определенный план, нет, она просто хотела непременно поймать злоумышленника, притворившегося священником, не сомневаясь, что по дороге встретит полицейских, которые ей помогут. Злодей бежал быстро, она тоже. И расстояние между ними уже стало сокращаться. Но тут он свернул на улицу Бьенфезанс, Мари-Анжелин последовала за ним. Но никого там не увидела…

Четверть часа спустя в церковь Святого Августина приехала полиция. Весь квартал уже был в волнении и тревоге. В исповедальне, где решетка на маленьком окошечке осталась приподнятой, лежало тело немолодой женщины со светлыми с проседью волосами – точнее будет сказать, дамы, так как, вне всякого сомнения, она принадлежала к людям весьма состоятельным, составляющим большинство в этом приходе. Она лежала, глядя широко открытыми глазами в вечность, которая, похоже, очень ее изумила. Кровь, вытекшая из перерезанного горла, пропитала ворот каракулевого манто и черную кружевную мантилью, наброшенную на голову.

– Кто-нибудь что-нибудь слышал? – осведомился инспектор Соважоль и поднялся с корточек, уступая место полицейскому врачу.

– От одежды до сих пор пахнет хлороформом, – заметил врач. – Убийца дал ей немалую дозу, прежде чем убил ее. Видно, для того, чтобы не закричала.

– Кто-нибудь знает, кто она? – задал новый вопрос полицейский, обводя взглядом лица столпившихся вокруг людей.

– Нет, – ответил аббат Грегуар. – Лично я никогда ее не видел.

В этот день он служил утреннюю мессу и сейчас, помолившись за покойницу, осенил ее знаком креста. Никто из стоящих вокруг тоже не знал даму. У погибшей нашли только вышитый батистовый носовой платок, но должна была быть и сумочка, которая, однако, исчезла.

Молодой полицейский и вовсе никого здесь пока не знал. Он работал в судебной полиции и в комиссариат на улице Пепиньер был переведен совсем недавно на место своего друга и коллеги, который выздоравливал после хирургической операции. И вдруг ему пришла в голову мысль, внушенная воспоминанием о деле Кледермана, в котором он принимал участие и которое очень его впечатлило.

– Знает ли кто-нибудь из вас мадемуазель дю План-Крепен? Она, кажется, всегда бывает на утренней мессе.

– Мы все ее знаем, – отозвался аббат. – Но этим утром я ее не видел. Вполне возможно, ее нет сейчас в Париже. Госпожа маркиза де Соммьер, чьей родственницей и компаньонкой она является, часто путешествует.

– Зимой никогда! – раздался из толпы чей-то голос. – Зимой они всегда дома. А вообще-то нужно спросить Евгению Генон, кухарку госпожи принцессы Дамиани. Они всегда сидят рядышком. Если дамы собрались путешествовать, она непременно знает об этом. Вот только, похоже, Евгения тоже уже ушла. А живет мадемуазель дю…

– Не беспокойтесь, – прервал говорящего Соважоль. – Я знаю, где найти мадемуазель дю План-Крепен, и тотчас отправлюсь к ней, как только закончу дела здесь.

Спустя несколько минут он уже ехал к особняку Соммьер на улице Альфреда де Виньи, где его встретил весьма обеспокоенный Сиприен.

– Господин инспектор Соважоль? Вас послал сам Господь Бог! Надеюсь, с мадемуазель Мари-Анжелин ничего не случилось?

– Я тоже на это надеюсь, но, судя по вашим словам, она еще не вернулась после утренней мессы?

– Не вернулась, а ведь уже почти девять! Даже если сегодня она вышла немного позже…

– А почему она вышла позже?

– Ну… Как вам сказать? Мы с ней немного повздорили, и я опасался, что она не успеет к шести часам. Такое иной раз случается, когда она заболтается, но она всегда возвращается к восьми, и они завтракают вместе с госпожой маркизой.

Голос, доносившийся словно с небес, прервал дворецкого.

– Кто там, Сиприен?

– Господин инспектор Соважоль, госпожа маркиза. Он ищет мадемуазель Мари-Анжелин.

– Попросите его подождать меня одну минутку и… проводите в маленькую библиотеку. Там сейчас уютнее, чем в зимнем саду. И принесите… все, что нужно!

Пять минут спустя, в халате из пармского бархата и домашних туфельках того же цвета, с кружевной косынкой на голове, вмиг призвавшей к порядку ее пышные с проседью рыжие волосы, маркиза вошла в библиотеку, опираясь на трость, в которой и до сих пор еще не слишком нуждалась. Соважоль отметил, что после их нескольких встреч по делу Кледермана маркиза ничуть не изменилась.

– Доброе утро, инспектор, – поздоровалась маркиза, усевшись в кресло и взяв в руки чашку с кофе, приготовленным Сиприеном. – Расскажите мне, что случилось. Но сначала выпейте кофе, пока он не остыл. На улице собачий холод!

После двух чашек кофе госпоже де Соммьер легче не стало. Свою План-Крепен она изучила до тонкости. Если уж Мари-Анжелин, хоть в какой-то мере, оказалась причастной к тому, что произошло, то наверняка не устояла перед желанием докопаться до истины. И сразу же встала на тропу войны, нисколько не помышляя о том, что предприятие может оказаться опасным. Кому, как не маркизе, было знать, до чего безоглядно может действовать ее компаньонка… А что, если жертва была ее знакомой?.. Или…

Или что? Стоило только вообразить себе, что произошло с План-Крепен час тому назад, и можно было ожидать любых сюрпризов. Речь как-никак шла об убийстве. А доблестная правнучка отважных крестоносцев ничего так не любила, как вмешиваться в дела полиции.

Молоденький Соважоль не знал, чем успокоить маркизу, и ерзал на стуле, боясь оставить ее одну. Наконец, госпожа де Соммьер нашла в себе силы ему улыбнуться.

– Вам пора бежать, голубчик! У вас миллион дел, и я не имею права пользоваться вашим вниманием. Как только Мари-Анжелин появится, я позвоню вам в комиссариат.

– Нет. Звоните на набережную[4 - Имеется в виду набережная Орфевр, где находится Главное полицейское управление. (Прим. авт.)]! Нужно предупредить шефа! Вообразите сами: убита неизвестная, явно из высшего общества, а затем исчезает мадемуазель дю План-Крепен. Если немедленно не сообщить ему обо всем, мы рискуем навлечь на свои головы грозу, какую только он умеет устраивать.

Не было сомнений, что молодой человек хорошо знает, о чем говорит, и маркиза улыбнулась.

– Я плохо себе представляю главного инспектора, извергающего гром и молнии, от которых сотрясается все вокруг. Он всегда так спокоен и уравновешен.

– Вы совершенно правы! Какие там громы и молнии? Разве что едва повысит голос. Но он становится стальным, и от него начинает веять ледяным холодом. И никаких оскорблений. Так, самые ерундовые. «Скопище кретинов», если нас много. Или «трижды идиот», если ты один. Спросите господ журналистов, как было дело, когда он мылил им шею прошлой осенью по поводу дела Борджа! Он не сказал им, что они ведут себя, как подлые убийцы, но уничтожил ледяным презрением. Это было… Одним словом, высший класс! – закончил инспектор с меланхолическим оттенком ностальгии. – Но если уж дело доходит до взрыва, что случается в редчайших случаях, то дрожит все вокруг.

– Но пока этого не случилось, передайте ему от меня привет.

Прошло не больше часа, и главный комиссар Ланглуа позвонил в двери особняка маркизы де Соммьер. Как всегда, в безупречном костюме, как всегда, безупречно владеющий собой… Его беспокойство выдал лишь вопрос, который он поспешил задать Сиприену.

– Есть новости? – осведомился он, едва только мажордом отворил дверь.

– Никаких, господин главный комиссар.

– Видаль-Пеликорн, полагаю, уже здесь?

– Госпожа маркиза не захотела его беспокоить. Он работает над очень сложной книгой…

– Я очень удивлюсь, если он поблагодарит ее за такую деликатность. Сообщите обо мне госпоже маркизе, Сиприен!

И комиссар направился к анфиладе гостиных, что вела к зимнему саду, где обычно сидела маркиза, но Сиприен удержал его.

– Госпожа маркиза в маленькой библиотеке и приказала развести там огонь в камине. Мне кажется, там ей не так одиноко. Но если хотите знать мое мнение, то я думаю, что маркиза рано начала беспокоиться. От мадемуазель Мари-Анжелин можно ждать чего угодно, если она на чем-то зациклилась.

– Вполне возможно, вы и правы, но мадемуазель прекрасно знает, что «наша маркиза» тревожится, когда ее нет слишком долго. В ее годы это естественно, не так ли?

– Господин главный инспектор ошибается. Госпожа маркиза сбросила груз своих лет, с тех пор как в ее жизни появились князь Альдо и господин Видаль-Пеликорн.

– Так почему бы их все-таки не предупредить?

– Я собирался, но мне строго-настрого запретили. И я не скажу, что это было неправильно. Если уж бить тревогу, то по серьезной причине…

– Возможно. Я тоже думаю, что не стоит сразу звонить в Венецию, но наш друг-археолог живет в трех шагах, и его помощь была бы очень кстати. Боюсь, что «ваша План-Крепен» ввязалась в небезопасную историю.

Продолжать инспектору не пришлось. Их голоса, хоть и негромкие, все-таки уловило чуткое ухо госпожи де Соммьер, и она появилась в дверном проеме. Увидев гостя, она слегка побледнела, но улыбка ее не стала менее доброжелательной, и она протянула гостю руку, к которой тот поспешно склонился.

– Пойдемте в библиотеку, там теплее, чем в зимнем саду.

Инспектор не усомнился, что в библиотеке им будет лучше, но вовсе не из-за того, что там теплее. В зимнем саду было так же тепло, как в любых других комнатах особняка. Но вообразить себе чудесный зимний сад без План-Крепен было просто невозможно. Она должна была сидеть там в низком кресле, читать книгу или раскладывать пасьянс на одном из плетеных ротанговых столиков. План-Крепен нужно было отыскать, и немедленно! Как ни велики были мужество и гордость старой маркизы, как ни умела она владеть собой, продлевать далее ее испытания было нельзя. Инспектор не хотел бы увидеть, как ей станет по-настоящему плохо.

Усевшись напротив маркизы в кресло возле ярко горящего огна, он сначала выпил кофе, который принес ему Сиприен, а потом уже задал вопрос:

– Знакомы ли вы с госпожой де Гранльё?

– Которой? Графиней Элеонорой или ее невесткой?

Инспектор знал, что маркиза терпеть не может разговоров о возрасте, но в работе полицейских бывают моменты, когда нужно рубить сплеча.

– Думаю, речь идет о графине.

– Из-за того, что мы с ней близки по возрасту, не так ли? – осведомилась маркиза, и насмешливый огонек зажегся в ее зеленых, как молодые листочки, глазах. – Чтобы вы не теряли драгоценное время, скажу сразу: я с ней знакома. Точнее, была знакома, потому что вот уже много лет она больше не живет на улице Веласкеса, переехав после смерти сына в родовой замок в Франш-Конте. Она никогда не ладила со своей невесткой, англичанкой по имени Изолайн. Изолайн может жить только в Париже, Лондоне, Довиле, Ле-Туке, Биаррице или на Лазурном Берегу. После того как пять лет тому назад Клемана не стало, дамы

разъехались окончательно. Но План-Крепен расскажет вам о них гораздо…

Голос маркизы внезапно охрип, и она замолчала. Как продолжать разговор о какой бы то ни было истории – великой истории всех народов или истории любого жителя их квартала – и обойтись при этом без План-Крепен, этой живой энциклопедии? Невозможно!

– В ожидании, пока мадемуазель вернется, мы попробуем вспомнить все, что вспомнила бы она, – улыбнулся инспектор и успокаивающе коснулся рукой руки маркизы. В его жесте промелькнуло даже что-то вроде нежности. – После того как не стало… Клемана, вы так сказали?

– Да, сына Элеоноры. Жить этим дамам вместе стало невозможно. Изолайн носила только придворный траур – две недели в черном с головы до ног, а потом сразу переоделась в светлое. И после похорон, а они проходили в Гранльё, она дала понять свекрови, не прибегая к сложным иносказаниям, что будет естественно, если та, потеряв дорогого сына, будет молить Господа снизойти к ее горю и забрать ее как можно скорее на Небеса, воссоединив их обоих и положив конец скорби, какая совсем неуместна при том образе жизни, какой ведут в особняке на улице Веласкеса. Повторю, что после всех этих событий прошло пять лет. Могу еще добавить, что Изолайн продолжает вести светский образ жизни, что внучка часто гостит у бабушки. Теперь вы знаете о них столько же, сколько и я.

– Для начала просто прекрасно. А могу я спросить, какое впечатление вы сохранили о графине?

– Об Элеоноре? Чудесная женщина, разве что немного застенчивая. Смерть Клемана тяжело подействовала на нее, и, конечно, она не смогла противостоять более сильной воле своей невестки. Она всегда была очень доброжелательна, очень расположена к людям. План-Крепен тогда просто кипела! О Господи! Нет, все-таки ничего у нас не получится! – вздохнула маркиза, и в голосе ее послышалось искреннее огорчение. – План-Крепен знает гораздо больше, чем я!

– Полагаю, что мадемуазель уступила своему природному любопытству. Да и нюх у нее, как у настоящей ищейки. И немалое мужество, которое помогает справляться с неблагоприятными ситуациями. Кухарка принцессы Дамиани, снабжающая, по всей вероятности, Мари-Анжелин всевозможными сплет…

всевозможной информацией во время утренней мессы, сообщила инспектору Соважолю, что в это утро они не виделись. Госпожа Генон, так зовут кухарку, решила, что План-Крепен заболела, и собиралась зайти и навестить ее, но, когда служба шла к концу, вдруг услышала возле исповедальни шум, обернулась и увидела священника, который бежал бегом, а за ним со всех ног мчалась ваша План-Крепен. Повинуясь лишь своей отваге и любопытству, подруга вашей компаньонки тоже последовала за ними. Но, к сожалению, она была слишком тепло одета и не смогла соревноваться с длинноногими и хорошо натренированными бегунами. Однако ей удалось заметить, что сначала мнимый священник, а потом и Мари-Анжелин свернули на улицу Бьенфезанс, но, когда до нее добежала и сама госпожа Генон, она увидела там только мусорщиков и проходящий автобус. Госпожа Генон предположила, что ее подруга опоздала из-за экстраординарных…

– Да, она, в самом деле, опоздала. Я слышала, как они препирались с Сиприеном, но ничего экстраординарного в этом не было, они ссорятся раз двадцать в месяц, так что я не придала их перепалке никакого значения.

– Опоздание и стало экстраординарным моментом. Войдя в церковь, мадемуазель Мари-Анжелин, очевидно, заметила, что в исповедальне кто-то есть – для такого раннего часа случай редкий, – и решила тоже исповедаться. Ну а что случилось дальше, можно только догадываться…

– Не мог же убийца госпожи де Гранльё действовать совершенно бесшумно? Как она была убита?

– Соважоль, осматривая исповедальню, установил, что решетка бокового окошечка была поднята, одежда убитой сохраняла запах хлороформа… Хлороформ позволил убийце… перерезать горло своей жертве, а потом убежать…

Госпожа де Соммьер невольно вздрогнула при этих словах и поплотнее закуталась в большую кашемировую шаль.

– Какой ужас! Бедная женщина! Так План-Крепен побежала ловить это чудовище? Что за безумная идея!

– Не могу с вами не согласиться. Ваша компаньонка обожает встревать в рискованные ситуации, не задумываясь о последствиях. Она мгновенно начинает действовать, вместо того чтобы хоть секунду подумать.

Ланглуа поднялся, собираясь откланяться. Но перед уходом все-таки задал еще один вопрос.

– Вы, конечно, сообщили обо всем Видаль-Пеликорну?

– Почему «конечно»? У него и без нас забот хватает, к чему беспокоить его по пустякам? Ничего необычного не произошло, через час Мари-Анжелин будет дома.

– А убийство? Нет, все-таки произошло очень много необычного! И я бы сильно удивился, если…

– Я тоже, – раздался голос Адальбера Видаль-Пеликорна из вестибюля.

В следующую минуту он появился в библиотеке, заполнив своей долговязой фигурой все пространство и излучая покой и умиротворение. Он без лишних слов обнял старую даму, которая тут же с укором поинтересовалась:

– Каким образом вы оказались здесь?

– Я? Проходил мимо. Надеюсь, тетушка Амели, вы не забыли, что Альдо поручил мне присматривать за вашим домом?

– Надеюсь, Альдо вы еще не звонили?

– Пока еще не звонил, но…

– Никаких «но»! Сначала посмотрим, как будут развиваться события.

– В любом случае я пробуду у вас до тех пор, пока господину главному комиссару не станет хоть что-то известно. Мне почему-то не хочется оставлять вас одну.

Комиссар поцеловал руку госпоже де Соммьер и направился к двери, но с порога обернулся.

– У вас есть выбор, дорогая маркиза! – сказал он. – Если вам кажется, что ваш гость занимает в библиотеке слишком много места, я могу прислать вам двух своих людей, как делал раньше, стараясь обеспечить вашему племяннику Альдо Морозини спокойное выздоравление. У меня найдется множество желающих услужить вам. Слух о стряпне вашей кухарки распространился по управлению со скоростью света. Просто отбоя не будет от охотников.

– Поблагодарите от меня всех… Но, умоляю, ради всего святого, не звоните в Венецию! Кажется, семейная жизнь Альдо наконец наладилась, но драма, которая могла ее разрушить, была так недавно! Лиза еще не пришла в себя. Она не успокоилась! Пообещайте мне, комиссар! И вы тоже, Адальбер!

– Хорошо, обещаю, – отозвался Адальбер. – Но только до вечера. Если Альдо узнает о наших новостях не от меня, не от комиссара и не от вас, он мне голову оторвет.

Тетя Амели натянуто улыбнулась и вздохнула.

– Одной ссорой больше, одной меньше – ничего страшного. Раз в год вы непременно клянетесь никогда больше не подавать руки друг другу, а потом падаете друг другу в объятия. И, заметьте, ссоритесь всегда из-за женщины!

– На этот раз случай гораздо серьезнее. Речь идет о нашей План-Крепен. Второй такой нет на всем белом свете!

Адальбер отправился проводить начальника уголовной полиции и по дороге внезапно совершенно серьезно произнес:

– Странно, до чего не хватает нашей чудачки! Дом будто души лишился!

Инспектор Соважоль, хоть и не был знаком с графиней де Гранльё, которую убили в исповедальне церкви Святого Августина, но, оказавшись лицом к лицу с ее невесткой, мог поклясться, что между этими двумя женщинами общего было

очень мало. Тонкое лицо той, что лежала в эту минуту на холодных плитах морга, дышало благородством. Смерть обрушилась на нее без предупреждения, но не оставила разрушительных следов. Ей было далеко за пятьдесят, но она все еще сохраняла красоту, несмотря на печаль, с которой словно бы сроднилась. Глаза у нее были темно-синими, волосы, как часто бывает у блондинок, почти не поседели, зубы сияли белизной. Выражение лица говорило о добром и отзывчивом характере.

Ее невестка, графиня Изолайн де Гранльё, ни в чем не походила на свекровь.

Для начала Соважоль прождал ее минут двадцать в гостиной, больше похожей на будуар – во всяком случае, инспектор именно так представлял себе будуары, – это была небесно-голубая комната, где вся обстановка была небесно-голубой, кроме нескольких старинных стульев с бронзовыми накладками. Наконец появилась хозяйка, похожая на примадонну из-за причудливого наряда светло-зеленого цвета – несомненно, это было творение великого кутюрье. Наманикюренными пальчиками она держала муслиновый шарф более темного цвета и обмахивалась им, словно веером, распространяя вокруг устойчивый запах духов, которыми пользовалась без меры. Стройная, гибкая, безусловно, привлекательная блондинка.

– У меня в гостях полиция? Как забавно! Садитесь, инспектор… А вас в самом деле положено так называть?

– В самом деле, мадам.

– Я заставила вас ждать? Извините. Но я никак не могла решить, какой цвет мне сегодня к лицу… Так вы хотели меня видеть? Полагаю, речь о каком-то мелком штрафе? Я постоянно забываю их платить! Очень глупо, не правда ли? Но я надеюсь, вы не отправите меня в тюрьму? – добавила она с кокетливой улыбкой.

Соважоль поспешил воспользоваться паузой в ее болтовне.

– К несчастью, мадам, не…

– Что значит, к несчастью, не?.. Я не думаю, что вам позволено шутить с серьезными вещами! Я не…

– Не в штрафе дело. Речь идет о госпоже графине де Гранльё, вашей свекрови, и…

– Господи! Что могла натворить эта святая женщина? Вообразите себе, всего два месяца тому назад…

– Она мертва, мадам! – в полный голос объявил потерявший терпение Соважоль. – Смерть настигла ее сегодня утром! И если вы не знали, какого цвета платье вам сегодня надеть, то, думаю, траурное будет самым подходящим!

Ему удалось остановить словесный поток. Графиня Изолайн была потрясена, она села на свой муслиновый шарф, а потом стала его потихоньку из-под себя вытягивать.

– Умерла? Наверное, несчастный случай, раз вы из полиции? Но я понятия не имела, что она в Париже…

– Нет, не несчастный случай! Убийство! В исповедальне церкви Святого Августина, совсем неподалеку от вас!

На этот раз инспектор добился полной тишины. Потрясенная графиня смотрела на него, не сводя глаз. И наконец заговорила.

– Убийство? В исповедальне? Неподалеку? Этого не может быть. Что ей могло понадобиться в исповедальне этим утром?

– Примерно около шести часов утра.

– Она же постоянно живет у себя, в родовом замке, в горах, в снегах, неподалеку от границы со Швейцарией! Но там тоже есть церкви! Зачем ей понадобилось ехать в Париж, чтобы тут исповедываться?

– Этого я не смогу вам сказать, мадам, и признаюсь честно, что рассчитывал узнать это от вас.

Соважоль вооружился своей самой ослепительной улыбкой. Красивому молодому человеку южного типа было немногим за тридцать, и он за свои недолгие годы

работы в полиции успел убедиться, что на некоторых женщин она оказывает положительное воздействие. Оказала и на графиню: дама уселась рядом с ним на канапе, поиграла немного своим зеленым шарфом и жалобно простонала:

– Как я могу вам что-то сказать, если даже не знала, что свекровь в Париже! Вы первый сообщили мне об этом. История для меня крайне волнительная, ведь моя дочь так часто гостит у нее… Разумеется, с ней всегда гувернантка, и все-таки… Знаете, этот их замок, он продувается всеми ветрами!..

– Сколько лет девочке?

– Гвендолен? Восемь… Да, кажется, так. В общем, она совсем еще маленькая, но она обожает свою бабулю, и у нее проблема с бронхами, так что я была вынуждена смириться и отправить ее подышать чистым горным воздухом. Там очень много сосен и питание гораздо здоровее, чем у нас здесь.

– Кажется, «чрево Парижа» снабжает нас всем самым лучшим, что есть во Франции, и не только во Франции, – возразил Соважоль несколько растерянно.

– Вы хоть и работаете в полиции, но не во всем разбираетесь. Тем более в тонкостях кухни. Во Франции она слишком сложная. Вот у нас, в Англии…

И затем последовала хвалебная речь, которая должна была утвердить превосходство содержимого британских кастрюль над содержимым кастрюль всей Европы. Соважоль, изумившись про себя, как они могли договориться до поварских изысков, поднялся, собираясь уходить. Но перед уходом достал из бумажника визитную карточку.

– Настоятельно прошу вас, перед тем как вы поедете за мадемуазель де Гранльё во Франш-Конте, предупредить нас, поскольку, как я понимаю, вы отправитесь туда в самое ближайшее время.

Графиня посмотрела на него большими удивленными глазами.

– Я? В эту богом забытую дыру? Но у меня такое слабое горло! Доктор сказал, что я не должна обманываться свежим цветом лица… Нет, я не поеду ни в коем случае! Да у меня в этом нет никакой необходимости. Мисс Фелпс совсем

недавно увезла Гвендолен из Франш-Конте в Англию. Попросила разрешения, и я разрешила. У нее там какие-то дела. По родственной линии, кажется… Мой butler[5 - Мажордом, дворецкий (англ.).] вас проводит, – прибавила Изолайн и позвонила.

Еще несколько взмахов зеленого муслина, и Соважоль уже спустился в вестибюль в сопровождении вызванного butler, в котором не было ничего британского, кроме прямой спины. Но чтобы держаться так прямо, тренировался он, похоже, не один месяц… Еще butler уснащал свою речь особыми ударениями, размещая их весьма произвольно. Но он тут же забыл о них, когда шепнул уголком рта.

– На тот случай, если вы не заметили, хозяйка у нас совсем чокнутая.

– Не могли бы мы поговорить поподробнее?

– Не здесь.

Помогая полицейскому надеть плащ, слуга шепнул ему на ухо:

– Записка… У вас в правом кармане.

Соважоль опустил веки, давая знать, что понял, надел фуражку и направился к оставленному неподалеку мотоциклу. Прежде чем устроится на сиденье, он прочитал записку. Всего одна строчка.

«Сегодня вечером в восемь в кафе «Виктор Гюго» на площади его же имени».

Соважоль вернулся на набережную Орфевр и нашел своего начальника весьма озабоченным.

Пьер Ланглуа, столкнувшись с проблемой, которая его всерьез занимала, не имел привычки советоваться или обсуждать ее со своими коллегами. Он ограничивался конкретными заданиями, не объясняя их. Выполнив задание, подчиненный возвращался к исполнению своих обязанностей, а комиссар усаживался у себя в кабинете в удобное кресло «Честерфилд», обитое черной кожей, и предавался размышлениям. Кресло было собственностью комиссара

точно так же, как большой и очень красивый персидский ковер на полу и небольшая хрустальная ваза с гравировкой «Лалик», где обычно стояли три кремовых розы в соседстве с васильком, гарденией или веточкой вереска, смотря по времени года и обстоятельствам. Цветы, соседствующие с розами, предназначались для бутоньерки безупречно скроенного пиджака комиссара.

На этот раз, отправляясь к госпоже де Соммьер, комиссар позабыл о бутоньерке, слишком уж непростыми были обстоятельства, и василек по-прежнему красовался в вазе. Комиссар рассеянно взял его, поднес к носу и тут же чихнул. Сердито сунул невинный цветочек обратно в вазу к кремовым розам и вытащил трубку и кисет с табаком. Он хорошенько набил ее, раскурил и выпустил два или три клуба дыма, что обычно очень его успокаивало.

Но сейчас он знал, что успокоиться ему будет нелегко. Он давно предчувствовал, что рано или поздно кто-нибудь из членов странного семейства, которое за долгие годы знакомства стало отчасти и его семьей, пропадет, и ему придется его разыскивать. Он ждал этого и опасался. И вот вам, пожалуйста!

Беспокойство комиссара только возросло, когда на следующее утро к нему явился Жильбер Соважоль и рассказал, что дожидался мажордома Изолайн де Гранльё, сидя в кафе «Виктор Гюго» до закрытия, после чего в первом часу ночи нанес визит на улицу Веласкеса. В доме графини люди были обеспокоены: Доменик Мареска вышел из дома вечером около половины десятого и не вернулся. Никто не мог сказать, где он и что с ним случилось. О Мари-Анжелин дю План-Крепен тоже не было никаких новостей.

Их отсутствие плохо сказывалось на атмосфере дома госпожи де Соммьер. Адальбер переночевал у маркизы и теперь завтракал за столом в одиночестве. Завтрак подавал Сиприен. Судя по красным глазам, ночью он не спал и сейчас тоже с трудом сдерживал слезы. Гость заметил старику, что слезами горю не поможешь и вряд ли стоит так изводить себя. Образец безупречных манер, Сиприен сдержанно ответил:

– Сразу видно, что господину Адальберу не в чем себя упрекнуть.

– Я бы охотно сделал вам удовольствие и упрекнул бы себя, но пока действительно не в чем. Но я полагаю…

– Я вам завидую, господин Адальбер! Если бы не глупая ссора с мадемуазель Мари-Анжелин, она бы не опоздала на утреннюю мессу и знала бы о преступлении в исповедальне ничуть не больше других!

– Так вот, что мешает вам спать! Ну так я немедленно отпускаю вам грех. Мы все прекрасно знаем мадемуазель, и, поверьте, она сразу же заметила бы, что в церкви происходит что-то странное, и непременно сунула бы свой нос в исповедальню!

– Напрасно вы так говорите, господин Адальбер! Как можно заподозрить мадемуазель Мари-Анжелин в подобной суетности! Она верует всей душой и приходит в церковь, чтобы молиться.

– А полная кошелка сплетен, которую она приносит после мессы? Где она их берет, а?

– Ну уж не во время самой мессы, это точно!

– Ох уж эта ангельская Анжелин! – вздохнул Адальбер, возводя глаза к потолку и одновременно поднимая чашку, чтобы отхлебнуть второй глоток душистого кофе. – Лично у меня куда более земные причины для беспокойства. Предупреждать Морозини или нет? Вот вопрос, который меня волнует. Предупреждать его мне запретили строго-настрого, но если он узнает, что у нас творится, от кого-то постороннего, то мы поссоримся. Конечно, вы мне скажете, что поссоримся мы не в первый раз и, конечно, не в последний, и все это пустяки…

– А господин Адальбер пообещал не тревожить только князя? Или княгиню Лизу тоже? А как насчет управляющего господина Альдо? Симпатичного господина Бюто?

Адальбер Видаль-Пеликорн вскочил из-за стола.

– Вы совершенно правы, Сиприен! А я, видно, сильно постарел, если сам не догадался. В общем, я на минуточку сбегаю к себе. Если госпожа маркиза обо мне спросит, то я пошел за газетами.

Адальбер направился к двери, но Сиприен его удержал.

– Что еще? – недовольно обернулся Адальбер.

– Чтобы дозвониться до Венеции, вам понадобится три или четыре часа. Долговато для прогулки за газетами, вы не находите?

Раздражение Адальбера мигом улетучилось, и он рассмеялся.

– Вы снова правы! Но постарайтесь не быть правым всегда, а то я вас возненавижу! А пока спасибо за верное замечание.

Адальбер вернулся спустя час с пачкой газет под мышкой, куда более сумрачный, чем раньше. Сиприен помогал ему снять плащ, они были одни в вестибюле, и Адальбер тихонько ему прошептал.

– Морозини нет дома.

– А госпожа княгиня?

– Она дома и приедет. Сегодня вечером сядет на Симплон-экспресс. Решила сразу, ни секунды не колеблясь.

– Так когда мне посылать Люсьена ее встречать?

– Никогда. Она хочет устроить сюрприз. Надеется, что ее приезд улучшит настроение маркизы.

– Вне всякого сомнения. А князь Альдо?

Судя по вопросу, старый слуга все же предпочел бы, чтобы приехал Альдо. Он не мог забыть дела Кледермана, когда бедняжка Лиза попала под действие опасного наркотика. До сих пор он опасался дурных последствий от этой отравы…

– Нам не повезло. Сегодня утром он уехал в Швейцарию.

– Опять в Швейцарию?!

– Почему бы нет? Напоминаю, что Швейцария – родина княгини Морозини, и, насколько я знаю, ничуть не напоминает адское пекло! В общем, Альдо собирался позвонить и сказать, на сколько дней он там задержится. Уезжая, он точно этого не знал. Господин Бюто введет его в курс событий. А скажите, кто это в гостях у госпожи маркизы? – спросил внезапно Адальбер, услышав отдаленный звук голосов.

– Господин главный комиссар. Думаю, он навестил ее, желая узнать, как она переносит все эти пертурбации. Никогда бы не подумал, что эта вздорная девица может взбудоражить столько народа! – добавил он сердито.

– Не стоит огорчаться. Случись что-то с вами, было бы то же самое. Огорчительно, конечно, что она еще в силах ввязываться в самые невероятные истории. Однако будем надеяться, что скоро она отыщется. А встречать госпожу Морозини на Лионском вокзале завтра поеду я сам.

Адальбер двинулся к комнатам, но тут же вернулся и забрал со столика газеты.

– Прежде чем показывать их маркизе, лучше просмотреть самому, пока у нее сидит комиссар Ланглуа.

С этими словами Адальбер уселся в кресло у окна и принялся читать новости, как всегда, сенсационные и пугающие. Сиприен, не желая мешать его занятию, тихонько удалился на цыпочках.

Старый дворецкий не слишком жаловал господина Адальбера, когда тот становился все деятельнее и все нервознее. Он бы, конечно, предпочел, чтобы у них в доме поселился не он, а его «брат» Альдо. Но присутствие в доме милой женщины тоже имело свои положительные стороны, особенно если «наша княгиня» вновь стала такой, какой была прежде, до того, как попала в руки мнимого невролога, который едва не убил ее.

Журналисты, вполне возможно, призванные к порядку комиссаром Ланглуа, а он прекрасно умел это делать, ничего интересного Адальберу не сообщили. Никто ничего нового не знал о несчастной жертве, «пожилой даме из хорошего общества». Как будто в своем возрасте она могла принадлежать к дурному?

Следствие предполагалось продолжать во Франш-Конте, где дама жила постоянно, но первые шаги показали, что вести его нужно деликатно и оно будет долгим.

Египтолог продолжал пробегать глазами одну статью за другой, когда в вестибюль спустился комиссар Ланглуа, оставив маркизу на старенькую горничную Луизу.

– Вы отдаете предпочтение сведениям прессы, а не моим? Вы меня удивляете, Видаль-Пеликорн, – пробурчал комиссар с кисло-сладкой улыбкой.

– Не вижу причины для удивления. И мне иной раз случается проявлять деликатность: я предположил, что вы желаете поговорить с маркизой с глазу на глаз.

– Как это на вас не похоже! Стало быть, вы заслужили поощрение. Вот оно. Один из дворников на улице Бьенфезанс видел утром мадемуазель дю План-Крепен, ее увез автомобиль, но дворник запомнил номер.

– Дворник, похоже, из ваших служащих. Не так ли?

– Нет, совсем нет. Мадемуазель похитили, и так грубо, что это привлекло его внимание. Тем более что он знал, кого похищают.

– Дворник знаком с Мари-Анжелин?!

– Неужели вам не известно, что прихожане церкви Святого Августина, особенно те, что встречаются на утренней службе, – это особый мирок, и при необходимости этот мирок может оказаться весьма полезным. Его представители могут незаметно прийти на помощь к тем, кто в ней нуждается. Вот, например, дворник, сам пришел в полицейский участок.

Адальбер про себя растрогался, но вслух насмешливо спросил:

– Вы хотели, чтобы я заплакал?

– Нет, не хотел. Я просто вас проинформировал. А Морозини? Все еще путешествует?

– Завтра приедет Лиза, и мы все узнаем. Она прекрасно понимает, что телефонные разговоры могут быть опасными.

– Ну так дождемся завтрашнего дня. А пока не оставляйте госпожу де Соммьер в одиночестве. Хуже нет, когда безудержно разыгрывается воображение, а госпоже маркизе воображения не занимать.

Относительно воображения тети Амели комиссар выразился даже слишком мягко. Вообразить она себе могла все, что угодно, и провела ужаснейшую ночь. Дрема, с которой дружит преклонный возраст и которая время от времени убаюкивает старушек, в эту ночь не появилась даже близко. Хотя нельзя сказать, что ее не приманивали симпатичными домашними средствами, на какие обычно она откликается: например, пожевать яблочко, выпить чашку теплого молока, прочитать несколько страниц какого-нибудь романа Марселя Пруста, пересчитать слонов… А может быть, лучше не слонов, а овец, коров или кенгуру? Но не помогли и эти животные. Тогда снотворные? В аптечке в ванной можно было найти аспирин, сироп от кашля, спиртовой раствор йода, мазь от ревматических болей в суставах и «чудодейственные капли доктора Ленормана». Правда, вычурная этикетка не сообщала, какие чудеса совершает эта микстура. Разочаровавшись в домашних средствах, маркиза часа в два ночи решила испробовать любимое средство Альдо: выкурить английскую сигарету и выпить рюмку коньяка с водой. Вернее, просто рюмку коньяка. Но проверить это средство не удалось. Неизвестно, по какой причине Сиприен запер спасительный коньяк на ключ, а спуститься в погреб маркиза не решилась. Конечно, оставалось любимое шампанское. Стоило открыть дверцы буфета, и пожалуйста! Бутылки стоят рядком. Беда только в том, что шампанское не усыпляло маркизу, напротив, божественный напиток ее бодрил, оживлял, наполнял ощущением праздника, что было совсем не к месту при теперешних печальных обстоятельствах. И маркиза снова поднялась в спальню, смирившись, что эту ночь проведет без сна, и пообещав себе в утешение, что непременно позовет старого друга, доктора Дьелафуа, чтобы он прописал ей хорошее снотворное. Конечно, ей помогла бы трубочка опиума, но к кому за ней обратиться? Разве что Ланглуа знает, где курят опиум… Или План-Крепен! «Наша маркиза» не сомневалась, что в записной книжке компаньонки непременно нашелся бы адрес опиумной курильни.

Вернувшись мыслями к Мари-Анжелин, маркиза заплакала, потом возмутилась, и, как только гнев высушил на ее глазах слезы, она съела второе яблоко. А когда в восемь часов утра ей принесли поднос с завтраком, она вновь была исполнена присущего ей спокойного достоинства, словно только что вышла из объятий Морфея. Никто из ее людей не должен был заподозрить, что она может переживать минуты слабости и отчаяния, для нее это казалось оскорбительным.

Но маркиза напрасно боялась показать свою слабость слугам, весь дом переживал точно так же, как и она. До трагического исчезновения никто и не подозревал, какое важное место занимала несносная План-Крепен в обширном особняке, глядящим передними окнами на тихую улицу Альфреда де Виньи, а задними на зеленый парк Монсо. Кто бы мог предположить, что даже Евлалия, лучшая на свете кухарка, испортит обожаемое Адальбером суфле с трюфелями? Мятежное суфле не пожелало подняться в духовке и оказалось за это в мусорном ведре. Заменила его жалкая яичница-болтушка с крутонами, вызвав насмешливые искры в синих глазах Адальбера.

На следующий день главному комиссару полиции нечего было сообщить во время своего недолгого посещения особняка маркизы де Соммьер. Никто лучше него не знал об отсутствии новостей, но комиссар счел своим долгом появиться в особняке лично, хоть следствию нечем было пока похвастаться. Личное посещение было знаком дружеского расположения, а к дружбе обитатели особняка были чувствительны. Ланглуа еще не ушел, когда Адальбер привез Лизу Морозини. Никому не объявляя, он встретил ее на вокзале.

После драмы прошлого лета она еще ни разу не приезжала к госпоже де Соммьер, но если и испытывала какие-то опасения относительно того, как ее здесь примут, то Видаль-Пеликорн мигом их все рассеял.

– Будьте такой, какой вы были… и есть, – добавил он поспешно. – Лучше вести себя так, словно не было всех этих ужасов, от которых пострадали мы все, но в разной степени. Достаточно и того, что исчезла План-Крепен, так что, прошу вас, не возвращайтесь на цыпочках!

И вот после звонка, которым был вызван Сиприен, по паркету гостиной, что вела в библиотеку, застучали каблучки молодой женщины.

– Я предваряю приезд Альдо, тетушка Амели! – воскликнула Лиза, обнимая маркизу де Соммьер. – Как только он узнает, что здесь происходит, он тут же приедет. А я готова помочь вам всем, чем только смогу!

– Неужели вы оставили даже своих малышей, чтобы меня утешить? Вы не можете себе представить, как я рада вашему приезду!

Женщины поцеловались, почувствовав, что привязаны друг к другу еще нежнее, чем прежде.

Не было сомнений, что Лиза вновь была той же самой чудесной обаятельной женщиной, которую злонамеренный псевдоэскулап превратил сначала в мегеру, а потом надеялся довести до сумасшествия. У Лизы снова розовели щеки, взгляд темно-синих глаз обрел присущую им ласковость, на лице сияла улыбка, она вновь была милой и элегантной. Спеша увидеть маркизу, она не уделила Сиприену ни минутки, и он не успел помочь ей снять зимнее пальто из серой шерстяной ткани с серебристой норкой. Когда она от него избавилась, то осталась в костюме из точно такой же ткани, сшитом, безусловно, самым лучшим портным Венеции и не имеющим ничего общего с юбками, похожими на фунтик с картошкой, которые она когда-то носила. Адальбер забрал у Лизы пальто и подвел ее к Пьеру Ланглуа. Комиссар от души улыбнулся молодой женщине, довольный, что ее неожиданное появление разрядило напряженную и безрадостную атмосферу дома.

– Ах, и вы здесь, господин главный комиссар! Простите, что я вас сразу не заметила!

– Не стоит извиняться, княгиня. Я очень рад увидеться с вами снова, – добавил он, целуя ей руку.

– Я тоже очень рада, хотя не сомневаюсь, что вы больше бы обрадовались моему мужу, но надеюсь, что он очень скоро здесь появится.

– Могу я спросить, где он сейчас? Только не подумайте, что я вас подвергаю допросу!

– А я надеюсь, что вы не сочтете меня лгуньей, которая уклоняется от ответа, если отвечу, что не знаю. Адальбер может подтвердить, что для нашей семейной жизни загадки – самое обычное дело. К Альдо приходит незнакомец, и после разговора с ним он отправляется в Мадрид, Рим, Лондон, Париж или всего-навсего в Милан или Равенну. Иной раз даже в обычную табачную лавочку на набережной, а потом оказывается на другом краю света, хорошо еще, что не среди арктических льдов, где не часто находят бриллианты, рубины, изумруды и прочие драгоценности. А потом в один прекрасный день он возвращается, сияя победной улыбкой.

– Так куда же он отправился в последний раз?

– К мэтру Массариа, нашему нотариусу…

Глава 2

Смерть старого рыцаря

Да, в тот день курьер принес Альдо Морозини коротенькую записку от мэтра Массариа, который просил его зайти в любое удобное время, сообщив, что сам он никуда выходить не собирается. За безупречными формулами вежливости, какими старинный друг дома, как всегда, украсил свое письмецо, читалась настоятельная просьба навестить его как можно скорее. А если возможно, тотчас же!

Альдо тут же закрыл папку с бумагами, которые просматривал, скорым шагом вышел из кабинета и побежал вниз по лестнице в библиотеку, где имел обыкновение находиться Ги Бюто, его управляющий и главное доверенное лицо. Но… растянулся на площадке во весь рост! Он невольно испустил проклятие и позвал:

– Лиза!

Она тут же появилась наверху и удивленно подняла брови, увидев мужа сидящим на площадке и прижимающим к носу платок.

– Что ты там делаешь? – осведомилась она.

– А ты как думаешь? – сердито отозвался Альдо в ответ и помахал в воздухе батистом, запятнанным кровью. – Скажи негодникам-близнецам: если они еще раз забудут мяч на лестнице, я отколочу одного, взяв за ноги другого!

Сдержав смех, который явно был сейчас неуместен, Лиза сбежала к несчастной жертве, забрала платок, осмотрела раны и взяла мужа под руку, помогая преодолеть последние ступеньки.

– Кровь больше не идет, – утешила она его. – Сейчас я замажу тоном твою царапину, и римский профиль вновь будет безупречен. Интересно, а куда это ты так мчался?

– Спускался, чтобы предупредить Ги, что зайду к Массариа. Он прислал мне записку. А твой тон какого цвета?

– Зеленого! Ты будешь неотразим! – Лиза осторожно коснулась губами больного места. – Да нет, такого, как нужно! И продержится ровно сутки, несмотря на отвратительную погоду, в которую без кашне не обойдешься. Вот увидишь, у тебя не будет даже синяка.

Провозившись не меньше четверти часа с царапиной, Альдо, хоть и собирался поначалу идти пешком, как любил это делать обычно, теперь решил ехать. Он спрыгнул в «Риву», свой катер, и сказал Зиану, который начищал мелом медные фрагменты корпуса, куда его везти.

Войдя в дом нотариуса, Альдо испытал чувство, которое испытывал всякий раз, переступая порог собственного дворца: он сделал шаг в давнее прошлое Венеции. Сейчас это чувство возникло, возможно, потому, что в особняке нотариуса царила особая атмосфера сурового священнодействия. Из бюро доносился отдаленный рокот пишущих машинок. Строг и элегантен был сам хозяин – круглое лицо, усы, изящная бородка с проседью, лорнет. Но главное – искренняя сердечность, неподкупная честность и великолепное знание законов, благодаря чему мэтр Массариа был для своих клиентов неоценимым советчиком, а для семьи Морозини – близким и дорогим другом. Нотариус встретил гостя с нескрываемой радостью.

– По вашей записке я понял, что дело не терпит отлагательства.

– Именно так. И я счастлив, что мы так великолепно понимаем друг друга. Дело действительно весьма спешное. Могли бы вы расстаться с Венецией на два или три дня без ущерба для ваших дел?

– У меня сейчас ни серьезного клиента, ни важной продажи. Огорчает разве что непогода и повышение уровня воды, которого нам не миновать в ближайшие дни. А куда предполагается поездка?

– В Швейцарию.

– Опять! Я изъездил ее вдоль и поперек несколько месяцев тому назад, и вы снова хотите меня туда отправить? Лучше обратитесь к Лизе, она там родилась! Нет, нет, я пошутил, – тут же спохватился Альдо, увидев, как вытянулось лицо нотариуса. – Так куда именно вы намерены послать меня?

– В Грансон. Маленький городок, расположенный…

– Зная, чем я занимаюсь, вы собираетесь объяснять мне, что такое Грансон? Знаменитейшая битва![6 - Битва при Грансоне – одно из сражений Бургундских войн. Произошло 2 марта 1476 г. около города Грансона между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось победой швейцарцев. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания ред.)] А после нее – безоглядное бегство армии Карла Смелого в феврале 1476 года и разграбление его богатейшего лагеря, откуда пропали и исчезли в неизвестности легендарные драгоценности Великого герцога Запада. Грансон! Я и сам мечтал о нем. А что за повод?

– Один дворянин старинной фамилии находится на смертном одре и очень хотел бы, чтобы вы выслушали то, что он вам доверит в свой последний час. Смерть от него в двух шагах.

– Так вот почему вы так торопитесь! Не волнуйтесь, я тронусь в путь ранним утром. Но, будьте добры, расскажите мне подробнее о том, что меня ждет.

– Во-первых, вы должны знать, что дворянин – мой очень близкий друг. Мы подружились с ним еще до войны. Тогда он был австрийцем, а впоследствии стал швейцарцем. Вполне возможно, его имя вам знакомо, зовут его барон Хагенталь…

– Вы хотите сказать, что он…

– Да, он внук того самого барона фон Хагенталя, который приказал расстрелять вашего двоюродного дедушку Анжело Морозини у стены Арсенала на глазах множества людей, когда Австрия завладела Венецией и его поймали в ловушку.

– Так он внук? И он хочет поговорить со мной? Но о чем?

– Этого я не знаю. Но хочу вас уверить, что барон – человек достойный всяческого уважения. Будь он другим, я никогда бы не стал отягощать вас этим путешествием. И повторяю, он при смерти…

– Понятно, я потороплюсь…

– Да, поспешите, прошу вас, – очень серьезно повторил нотариус. – И меня очень удивит, если вы меня потом упрекнете за это.

Альдо взглянул на квадратик бристольского картона – визитную карточку, протянутую ему нотариусом.

– Де Хагенталь? А почему же не фон Хагенталь?

– Я же сказал вам, теперь он по национальности швейцарец, отсюда и дворянская частица «де». Вас это шокирует?

– Нисколько, но признаюсь, что история меня заинтриговала. И, главное, как добраться в Грансон как можно быстрее? Проще всего было бы на машине, но сейчас зима, перевалы закрыты, а дорожные туннели полны самых неожиданных сюрпризов, – вздохнул Альдо, внимательно рассматривая старую и очень подробную карту Европы, занимавшую немалую часть стены. – Значит… Значит… Значит… Самым надежным будет ехать до Лозанны на поезде, а там взять у Малера на несколько дней автомобиль. Стало быть, всего хорошего, дорогой мой

нотариус. Как только представится возможность, поделюсь новостями!

Нотариус и Альдо пожали на прощание друг другу руки, но мэтр Массариа не сразу отпустил руку Альдо. С волнением, которое он даже не скрывал, он проговорил:

– Спасибо, что согласились принести мир этой отлетающей душе, дорогой Альдо. Благослови вас Господь! Да! Чуть не забыл! Конечно, сообщите домашним, что едете в Швейцарию, но в подробности не вдавайтесь. Не исключено, что за домом Хагенталя наблюдают. И возьмите с собой пистолет. Сами знаете, никогда не угадаешь, что тебя ждет впереди. Вполне возможно, я ошибаюсь и был бы очень этому рад, но хочу, чтобы вы были во всеоружии.

– Положитесь на меня. Вы знаете, мне не привыкать.

– Еще раз большое вам спасибо.

Вернувшись домой, Альдо отправил юного Пизани, своего секретаря, на вокзал, и тот взял билет на вечерний поезд. Лизе было поручено собрать багаж, а сам Альдо отправился в лакированную гостиную, любимую комнату всей семьи, где они обычно обедали. С двух противоположных стен гостиной смотрели друг на друга два женских портрета, подписанные весьма знаменитыми фамилиями. Обе женщины на портретах были одеты в черное. Княгиня Изабелла, мать Альдо, которую писал Саржент[7 - Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник, один из наиболее успешных живописцев Прекрасной эпохи. Родился во Флоренции.], была в черном бархатном вечернем платье, оставлявшем открытыми плечи и руки. Ни одна драгоценность не украшала их белизну, и только на пальце сиял изумруд, который был подарен ей в день помолвки. Зато ее визави, Фелисия Морозини, представляла по отношению к ней контраст, и очень яркий по своей оригинальности. Винтерхальтер[8 - Франц Ксавер Винтерхальтер (1805–1873) – немецкий живописец и литограф, известный своими портретами царственных особ Европы середины XIX столетия. Его имя тесно связано со светской придворной портретной живописью.] изобразил ее в черной амазонке, отдав должное ее красоте римской императрицы, увенчав эбеновой черноты волосы небольшим цилиндром, обвитым белой вуалью. Красоту эта дама сохранила до самого преклонного возраста.

Урожденная княгиня Орсини, Фелисия принадлежала к одному из самых знатных родов Рима. Умерла она в этом дворце в 1896 году, когда ей было восемьдесят четыре, а Альдо – двенадцать. Вполне подходящий возраст, чтобы отдавать должное величественной даме, твердой, как кремень, с неуступчивым характером, которую даже глубокая старость не лишила жизненных сил. В семье она слыла героиней.

В семнадцать лет она вышла замуж за графа Анжело Морозини, ни разу его не видев и зная жениха только понаслышке, и прожила с ним всего полгода во взаимной страстной любви, которую разрушили австрийцы, бывшие тогда полновластными хозяевами Венеции. Они расстреляли ее обожаемого мужа и превратили юную женщину в жаждущую мести фурию.

Фелисия стала яростной бонапартисткой, укрылась во Франции, наладила связи с карбонариями, пытаясь устроить побег брата из грозной крепости Торо, глядящей на залив Морле. Она сражалась с оружием на баррикадах во время «Трех славных дней»[9 - «Три славных дня (Июльская революция или Французская революция 1830 года, Вторая французская революция) – восстание в июле 1830 г. во Франции, приведшее к свержению Карла X и возведению на престол Луи-Филиппа, герцога Орлеанского. Она ознаменовалась переходом от одной конституционной монархии – реставрации Бурбонов к другой – Июльской монархии, переходом власти от дома Бурбонов к его младшей ветви, Орлеанскому дому, торжеством принципа народного суверенитета над принципом божественного права короля, а также установлением либерального режима и окончательным торжеством буржуазии над земельной аристократией.], к безграничному восхищению художника Эжена Делакруа, который был в нее тайно влюблен. Уехала, избежав заключения в тюрьму при Луи-Филиппе, которого ненавидела. Она пыталась освободить из золоченой клетки австрийцев сына Наполеона, а потом преданно служила Наполеону III, будучи одновременно и его деятельным агентом, и украшением двора, когда изредка удостаивала его своим появлением в Тюильри или в Компьене.

Оставшись верной себе и своей любви к Франции, Фелисия пережила в Париже страшную осаду, так драматически завершившую царствование Наполеона III, получила рану и была на волосок от смерти. Ей было пятьдесят семь, ее спас врач одной знакомой семьи, который с истинной любовью выходил ее. И он же после того, как опасность миновала, привез ее в Венецию, где дедушка и бабушка Альдо встретили ее, как королеву. С этого дня, если не считать двух или трех поездок во Францию к своей подруге Гортензии де Лозарг, Фелисия не

покидала дворца Морозини. Для Альдо она стала бабушкой, заменив родную, которая вскоре умерла. Мальчик обожал эту великолепную даму, сохранившую, несмотря на возраст, свою красоту, и перенял от нее вкус к опасным приключениям, которые так часто заставляли горько вздыхать жену Альдо – Лизу. Теперь Фелисия Орсини покоилась возле своего супруга на Сан-Микеле, острове мертвых, в часовне семьи Морозини, всегда полной цветов.

Когда Лиза заглянула в гостиную, чтобы сказать Альдо, что все готово к отъезду, он все еще стоял перед портретом Фелисии. Лиза тихонько подошла к нему и взяла под руку.

– Я так и не решила, кто из них красивее, – сказала она, взглянув на Изабеллу. – Нет сомнения, что в лице твоей мамы больше нежности, и на ее долю выпало больше счастья. Их жизни были такими разными!

– Характеры тоже. Фелисия была острой шпагой, готовой в любую минуту покинуть ножны, а мама – воплощением любви и ласки… И, как всегда, парадокс судьбы! Фелисия мирно закрыла глаза в окружении нашей любящей семьи, а мама не только умерла одна, но ее убили, и убийцей стал тоже член нашей семьи…

– К этой семье теперь принадлежу и я и горжусь этим, – проговорила Лиза. – А тебе пора выходить, если ты не хочешь опоздать на поезд. Альдо! Ты же едешь в Швейцарию, значит, наверняка навестишь папу?

Альдо рассмеялся, взглянул на Лизу и поцеловал ее.

– Ох уж эти женщины! Но тебе, моя дорогая, не узнать больше, чем ты знаешь, потому что не знаю и я, заеду в Цюрих или нет. – Если заеду, то ты приедешь ко мне, и мы благополучно вернемся вместе.

– Как это было бы чудесно! Просто идеально! Но на самом деле…

– Не продолжай! – И прибавил нараспев: – Если я заеду к Морицу, то позвоню, и ты приедешь. Если нет, приеду я! А теперь я убегаю, и не вздумай меня задерживать!

Больше всего Альдо не хотел сейчас разговоров с женой. Дело – если эту поездку можно было назвать делом – до крайности интриговало его. Разумеется, если бы его просил не Массариа, он бы никуда не поехал…

Но! Но демон авантюр если и дремал в Альдо, то всегда вполглаза! Он и вмешался.

«Ты прекрасно знаешь, что поехал бы. Не поехал, а помчался! – осуждающе проговорил суровый голос, который время от времени раздавался в душе Альдо. – Ты по-прежнему обожаешь тайны! И единственное, что тебе сейчас не по нраву, это отсутствие Адальбера!..»

– Не угодно ли помолчать! – тут же возмутился про себя Морозини. – Я, кажется, ничего у тебя не спрашивал!

Обиженный ангел-хранитель, приготовившийся было сопровождать Морозини, печально сложил крылья и вернулся дремать в теплый уголок возле камина. И дремать ему было тем уютнее, что он знал: он прав, как никогда!

Несмотря на снег, который засыпал все вокруг, Морозини добрался до Грансона всего за несколько часов без малейших затруднений. В Лозанне напротив вокзала он арендовал отличный автомобиль марки «Рено», почти такой же, даже по цвету, какой купил Адальбер для их перемещений между Парижем, Шиноном, Цюрихом и Лугано. Альдо часто водил его, так что и тут уверенно сел за руль и без помех проехал семьдесят километров, отделявших озеро Леман от Невшательского озера, в конце которого расположился Грансон.

Маленький средневековый городок, где домишки плотно окружили стены и башни замка, словно послушные цыплята гордую собой наседку. Замок смотрел на большое голубоватое озеро, и его городок вместе с ним, и, надо сказать, выглядели они вместе просто очаровательно – старинные дома, башенки, коричневые, словно бархатные, крыши. Все здесь дышало миром и безмятежностью, какие жители мудрой Швейцарии сумели возвысить до высокого искусства.

Благодаря карте, полученной от Массариа, Альдо не составило труда отыскать «Сеньорию», своеобразное подобие замка, но куда меньшего размера и совсем

не сурового, стоящего в окружении парка, спускавшегося террасами к озеру. С первого взгляда было ясно, что садовник «Сеньории» знает свое дело и по нраву своему романтик. Этот прелестный уголок хорошо было бы навестить весной. Как бы он порадовал глаз! Однако, со слов нотариуса Альдо знал, что у него никогда больше не будет повода приехать сюда, и пожалел об этом. Когда много странствуешь, то иной раз случается вдруг увидеть место, куда хотелось бы вернуться. Но чаще всего вернуться туда нельзя. Потерянный рай, у ворот которого стоит грозный ангел-дворник, опираясь на метлу… В пылающий меч ангела Альдо не верил: слишком опасное оружие, одно неверное движение, и наши несчастные прародители исчезли бы с лица земли.

А прародители получили свыше приказ: «Плодитесь и размножайтесь!» Тоже, прямо скажем, немалая проблема. Как его выполнишь, не нарушая правил морали, если вас всего двое? Ну, ладно бы, если б послали с небес на помощь какую-нибудь команду штрафников, земля бы тогда заселилась существами небесной красоты, так нет ведь, нашими предками стали кроманьонец и Венера Брассемпуйская, ну и другие, конечно… Прошедшие века подтвердили, что говорливый змий не задержался навсегда в раю и что…

«Перестань валять дурака, – одернул себя Альдо. – Тебе предстоит встреча с умирающим!»

Но ему нужно было как-то себя подбодрить после утомительного путешествия… И, конечно, он нервничал перед предстоящей встречей… К тому же Адальбера не было рядом, и ему предстояло действовать в одиночестве…

Между тем его приезд не остался незамеченным. Решетки ворот под балконом, соединившим две небольшие башни, растворились. Седовласый лакей, исполненный впечатляющего достоинства, одетый в форменный пиджак с золотыми пуговицами и белоснежную рубашку с воротником-стойкой, приблизился к машине. Альдо не дал ему времени задать вопрос.

– Князь Морозини, – представился он, протягивая свою визитную карточку. – Мэтр Массариа должен был сообщить о моем приезде. Я приехал из Венеции и… Надеюсь, не опоздал.

– Нет, состояние барона сейчас вполне удовлетворительное. Полагаю, – добавил слуга с улыбкой, – что господин барон никогда бы не позволил себе умереть, не

повидавшись с князем Морозини. Меня зовут Георг, моя жена – Марта, она ведает кухней. Если Ваше Высочество[10 - Очевидно, старый слуга решил повысить статус Альдо Морозини. На самом деле к нему следовало обращаться «ваше сиятельство».] желает дойти до замка пешком, мой сын Матиас займется вашей машиной.

Замок внутри был так же по-средневековому суров, как и снаружи: в гостиной – глубокие стрельчатые окна и каменные скамьи, чтобы сесть, если залюбуешься красивым видом. Огромный камин с полыхающим костром поленьев. На карнизе камина – битва оленей, а над ним – целая коллекция старинного оружия. На одной стене несколько портретов, на другой – красивый гобелен с травами и цветами и… Здесь же была размещена кровать с колонками и пологом с таким же растительным рисунком. Очевидно, для облегчения ухода за больным гостиная стала спальней.

Однако Гуго де Хагенталь ожидал своего гостя не под покровом полога. Он сидел в одном из кресел возле камина, и вид его почему-то растрогал Альдо.

Высокого роста, ссутулившийся вопреки усилиям держаться прямо, с как будто рубленным топором лицом и голубыми, глубоко запавшими глазами, барон скрывал худобу широким одеянием из черного бархата. Круглая черная шапочка, несомненно, согревала уже облысевшую голову. Ему трудно было даже дышать, и все-таки он постарался улыбнуться и протянул гостю полупрозрачную исхудалую руку, для которой уже тяжело было массивное кольцо с гербом. Альдо с поклоном пожал ее.

После нескольких любезных слов, отчетливо произнесенных слабым голосом, который странно было слышать от этого костистого человека, наверняка когда-то без труда могущего носить доспехи средневековых рыцарей, хозяин указал на стоящее рядом с ним кресло.

– Не знаю, как и благодарить вас, князь, что проделали столь долгий путь из Венеции, куда когда-то наведывался и я. Я молил Господа, чтобы Он дал мне сил вас дождаться. Долгие годы меня тяготит груз тяжкого стыда, и, поверьте, мне было бы легче, если бы это был мой личный стыд. С ним, оставаясь наедине с собственной совестью, можно было бы бороться, найти средство его победить или усмирить. Но что поделаешь с чужим? Этот стыд принадлежит человеку, который не испытывал ни малейших угрызений совести, нарушая древние законы рыцарства. Он не понимал, что, нарушая их, пятнает герб наших предков

кровавой грязью.

Ужас, который читался в этом угасающем взгляде и от которого дрожали руки, уже лишившиеся своей силы, растрогал Альдо. Он видел, что этот старый человек претерпевает накануне смерти крестные муки, не понимал их причины и рад был ему помочь всем, чем мог.

– Я знаю эту историю, – заговорил он в ответ. – Она жестока. Но ведь и все, что происходит, когда народы воюют, когда один из них становится победителем, а другой побежденным, ужасно. Австрийцы стали хозяевами Венеции. Жестокость была правом сильного.

– Нет. Сильный не имеет права на безнаказанные поступки и в первую очередь не имеет права себя бесчестить. Что вы знаете о смерти Анжело Морозини, вашего родственника?

– Что в качестве достойного потомка трех дожей и нескольких героев он желал продолжать борьбу с оккупантами, принял участие в заговоре… На что имел полное право, – добавил, слегка усмехнувшись, Альдо.

– Так, так, продолжайте.

– Что еще сказать? – вздохнул он и пожал плечами. – Заговор был раскрыт, а он расстрелян у стены Арсенала, к отчаянию своей молодой жены Фелисии, урожденной княгини Орсини. Они были женаты всего полгода и страстно любили друг друга. Всю свою остальную жизнь она посвятила борьбе с Австрией. Если описать ее жизнь, она будет похожа на роман.

– А она никогда не пыталась отомстить виновному? Виновным был только один, остальные были исполнителями его воли.

– Думаю, она понятия не имела, кто именно был виновным. Иначе, полагаю, приложила бы все силы, чтобы расправиться с ним. Еще будучи ребенком, я запомнил ее решительной и непреклонной, она мстила бы безжалостно, не пожалев и собственной головы.

– Вы приносите мне утешение. Ее горе, по крайней мере, не было отравлено отвращением!.. Теперь я открою вам, что было на самом деле. Фридерик, мой предок, видел княгиню Фелисию всего один раз, когда она со служанкой пришла в церковь, и безумно в нее влюбился, но ему хватило ума не открывать ей своих чувств. План его был прост: уничтожить сначала мужа, а там будет видно. Он завлек Морозини в ловушку. Тогда всюду вспыхивали стычки, князь ненавидел завоевателей, вовлечь его в ссору не составило труда… Удары были направлены в основном на него, он был серьезно ранен, но не убит. Фридерик признался князю, что он охвачен страстью к его жене, и если князь отнесется к его признанию с пониманием, то раны его будут вылечены…

– Что?! Неужели он мог подумать, что на князя подействует этот шантаж? Мог хотя бы узнать, с кем ему придется иметь дело, если он не догадывался об этом! Но я думаю, что он просто сумасшедший. И что же дальше?

– Морозини плюнул ему в лицо. В следующую секунду, несмотря на раны, а они были очень серьезными, его отправили на расстрел.

Альдо замер, недоверчиво глядя на хозяина замка.

– Неужели нашлось двенадцать солдат, готовых выстрелить в умирающего? – наконец спросил он, не в силах этому поверить.

– В Австрии среди военных царила железная дисциплина, не хуже, чем в Германии. Анжело Морозини ценой сверхчеловеческого усилия поднялся на ноги и сумел посмотреть смерти в глаза. Свое преступление Фридерик совершил напрасно: на следующий день графиня Морозини исчезла.

Приступ жестокого кашля оборвал речь старика. Альдо пытался сообразить, чем ему помочь, но Георг уже спешил на помощь хозяину, держа в руках бокал с темной жидкостью и чашку с водой. Проследив, чтобы хозяин отпил глоток микстуры и запил ее водой, он обратился к Альдо.

– Ваше сиятельство очень бледны. Могу я предложить вам…

– Только не микстуру, спасибо, – отозвался Альдо, – а вот капелька шнапса мне бы не повредила.

Хагенталь опоминался после приступа и с видимым удовольствием наблюдал, как Альдо, не моргнув глазом, опрокинул ликерный стаканчик крепчайшей водки, подействовавшей на него, словно удар. И хотя ему было интересно, все-таки он не спросил, с помощью какого фрукта был произведен этот огненный напиток.

– Вы согласились выпить вина под крышей моего дома, благодарю вас, – прошептал старый хозяин.

– Почему бы нет? Вы же всеми силами стараетесь стереть следы преступления, в котором абсолютно никак не замешаны. Но почему именно вы, а не ваш отец? Или дядя?

– Я единственный сын и был уже немолод, когда незадолго перед смертью моего отца узнал эту историю. Она давила на него тяжким грузом, но он скрывал ее, отгородившись молчанием. Узнав о случившемся, я начал думать, как нам получить прощение, необходимость которого ощущал все настоятельнее. Как раз в то время я принял швейцарское гражданство. Теперь я настоящий единственный Хагенталь.

– Позвольте задать вам вопрос: а почему вы поселились именно здесь?

– В Грансоне? Это другая история, но, как мне кажется, она тесно связана с той трагедией, о которой я только что вам поведал. Здесь жил наш дальний родственник. Он купил этот дом и провел в нем долгие годы. Его увлекала история Средневековья, и он питал настоящую страсть к тем, кого называли когда-то Великими герцогами Запада, в особенности к последнему из них, который назывался Смелым или просто Смельчаком. Карл был человеком необычным. Он был баснословно богат, смелость его граничила с безумием, но при этом в нем словно бы таился злобный гений саморазрушения. И этот гений, соединившись с гордыней, которая граничила у герцога с болезнью, день за днем, шаг за шагом толкал его к страшной смерти: Карла нашли на берегу замерзшего озера неподалеку от Нанси, города, который он собирался сделать ключом Бургундии, с черепом, раскроенным топором, и телом, растерзанным волками. А он был господином Фландрии, Брабанта, Эно, Голландии, Зеландии, Фрисландии, Гелдерна, Малина, Маастрихта, Анвера, Намюра, Лимбурга, Люксембурга, Австрии, Артуа, Бургундии, желал стать королем, а затем, вполне возможно, и императором, если была бы на то Божья воля…

– Но на своем пути он столкнулся, – подхватил негромко Альдо, – с опаснейшим политиком своего времени, своим родственником, королем Франции Людовиком XI. Этот Вселенский Паук, лишь изредка покидая свой замок Плесси-ле-Тур, двигал шахматные фигурки из золота и хрусталя, держа руку на голове Милого Дружка, белой борзой, которую очень любил, и управлял многими другими фигурами. Видите, я тоже знаю историю, – с улыбкой добавил Морозини. – Эта страница завораживает и меня, и я испытал странное волнение, очутившись в Грансоне.

Хагенталь вновь закашлялся, и Альдо тут же протянул ему ложку тягучего сиропа.

– Спасибо, – поблагодарил больной, переведя дыхание. – Неужели, зная о битве Карла, вы ни разу не побывали здесь? И в Мора тоже? А ведь там случилось второе поражение, после которого произошла трагедия в Нанси!

– Нет, не довелось. Езжу я очень много, но в этих местах впервые.

– Подумать только! А ведь вы не просто специалист по старинным драгоценностям, но и знаток самых известных из них. Исторических! Вы меня удивили. Подойдите-ка к окну, которое выходит на заднюю часть дома, и скажите, что вы там видите.

– Живописный холм с деревьями на фоне далеких заснеженных Альп.

– На этом холме располагался роскошный лагерь Карла Смелого. Он весь был уставлен шатрами. Если вы подниметесь на этот холм, то внизу противоположного склона увидите большой камень. Он остался, а обширный пруд, который выкопали бургундцы, чтобы поить своих лошадей, исчез. Камень до сих пор называют «Камнем дурного совета», потому что, именно сидя на нем, герцог решил повесить на стенах замка и ближайших деревьях защитников города. Повесить, а когда места оказалось недостаточно, то и утопить. Вы… Я думаю, вы знаете, что за этим воспоследовало?

Голос барона совсем ослабел. Альдо поспешно наклонился к нему.

– Наша беседа вас утомила, простите и позвольте мне откланяться.

Старик поднял к нему изможденное лицо.

– Задержитесь еще немного… Я… не сказал главного.

– Но я могу вернуться.

– Нет. Мои минуты сочтены.

Рука его исчезла в кармане бархатного одеяния и вновь появилась, держа замшевый футляр с раздвижной крышкой. Отодвинув ее, барон достал нечто особенное, что мгновенно приковало к себе взгляд гостя. Для любого другого предмет смутно напомнил бы цветок из золота, но опытный взгляд Морозини сразу увидел, что перед ним оправа особого украшения, которое укрепляли на мужском головном уборе, закрытой короне или парадном шлеме. Украшение это иногда называли «колосом», иногда «гребнем», что, по существу, было неправильно, потому что «гребни» делались на шлемах, и к ним прикреплялись перья.

Барон высказал относительно него свои соображения.

– Это застежка, но название не кажется мне разумным, ведь она ничего не застегивает. Однако это все, что осталось от головного убора, который Смелый считал своим талисманом. И не без оснований! С той минуты, как он потерял его здесь, в Грансоне, военная удача от него отвернулась. После Грансона его ждал Муртен[11 - Битва при Муртене – одно из самых значительных сражений Бургундских войн. Произошло 22 июня 1476 г. около крепости Муртен в кантоне Берн между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось убедительной победой швейцарцев.], а затем смерть в Нанси[12 - Битва при Нанси – решающее сражение Бургундских войн, произошедшее 5 января 1477 г. около столицы Лотарингии – г. Нанси, между швейцарско-лотарингскими войсками (поддержанными Францией) и войсками бургундского герцога Карла Смелого. Последний пытался захватить Лотарингию с целью соединения своих разрозненных владений (Нидерланды и герцогство Бургундия) и создания самостоятельного королевства. Исход битвы решили швейцарцы: бургундские войска были разбиты, а Карл Смелый убит.].

Альдо уже ничего не слышал, ласково касаясь длинными тонкими пальцами чудесного призрака, вынырнувшего из тьмы веков. В его памяти, словно на

засветившимся экране, всплыли страницы из книги его венецианской библиотеки, рассказывающие о фантастических сокровищах, которые оставил на берегу этого озера герцог, желавший стать самым могущественным государем Европы. Искусство художника воскресило это украшение таким, каким оно было, когда украшало гордого победителя, въезжавшего в покоренный город. Никогда – за редчайшим исключением – герцог не въезжал в города в шлеме. Он всегда надевал расшитую жемчугом шапочку, символ сопутствующей ему удачи. Появляясь в ней, он словно бы объявлял своим новым подданным, что их господин не нуждается в их жалком добре.

Альдо так бережно держал драгоценную оправу, будто она была хрустальной, и сам не заметил, как задал вслух совершенно детский вопрос:

– Неужели вы пригласили меня к себе, чтобы подарить мне эту драгоценность?

Новый приступ кашля помешал барону ответить сразу.

– Мне бы очень хотелось подарить вам эту штуку со всеми камнями… Но к ней у меня есть еще кое-что…

Он достал из футляра маленький мешочек и выложил его содержимое на ладонь.

– Один из «Трех братьев», он достался мне по наследству. Я знаю, вы антиквар, и мне показалось правильным перед тем, как я предстану перед Господом, отдать в ваши руки это чудо. Жалкое возмещение за те несчастья, которые один из ваших предков претерпел от одного из моих.

Затаив дыхание, Альдо смотрел на великолепный рубин, играющий пурпурными огнями в красноватом свете камина.

– Но это невозможно… – проговорил он наконец и замолчал, не в силах продолжать.

Рука его дрогнула, когда на ее ладонь опустился камень. Другой он судорожно шарил в кармане, разыскивая лупу. Наконец вставил ее в глаз и принялся рассматривать чудо, мерцающее перед ним.

– Сомневаетесь в его подлинности? – печально прошептал Хагенталь.

– Нет, нисколько! – живо отозвался Альдо, продолжая изучать камень.

Ошибиться трудно, все было на месте: огранка того времени, вес, цвет, небольшие царапинки, которые можно рассмотреть только в лупу, – следы веков. Не будь Альдо опытнейшим экспертом по старинным драгоценностям, он счел бы этот камень даром небес, так он был великолепен. Но речь шла о «Трех братьях». Неужели рубин был, в самом деле, одним из них? Но ведь вся троица, и он это знал с полной достоверностью, покоится в одном из ларчиков Морица Кледермана, банкира-миллиардера, его тестя… Между тем подлинность этого рубина была очевидной!

Именно это и произнес Альдо вслух, но не дал своему хозяину вставить ни слова, потому что тут же засыпал его вопросами:

– Как случилось, что камень оказался у вас? Вы сказали, что получили его по наследству? От вашего отца, конечно, не так ли?

– Нет, от моей покойной супруги, умершей два года тому назад. Она была старшей дочерью голландца барона Кирса.

– Известное имя в мире коллекционеров! И известно давно.

– Да, у него была значительная коллекция, но после его смерти собранные им драгоценности были распроданы его женой, англичанкой.

Обстановка не располагала к шуткам, но Морозини не мог сдержаться.

– Ваша семья имеет немало сходства с Лигой Наций, – с улыбкой прознес он.

– Да, совершенно верно, – очень серьезно отозвался барон. – Вы даже представить себе не можете, до какой степени. Мой тесть прекрасно понимал, что произойдет после его смерти. И чтобы спасти то, что он справедливо считал самым драгоценным своим достоянием, раздал три рубина Карла Смелого своим трем дочерям: моей жене Хильде, ее сестре Элеоноре, вышедшей замуж во Франции и ставшей француженкой, баронессой де Гранльё, и младшей, Луизе,

которая спустя недолгое время вышла замуж за шоколадного магната Тиммерманса. Он запретил продавать эти драгоценности. Всю свою жизнь тесть мечтал собрать все камни знаменитого талисмана, и, раздав дочерям эти великолепные рубины, надеялся таким образом сохранить хотя бы их.

Изумленный фамилией, которую стала носить третья дочь барона Кирса, Альдо не сразу заметил, что его хозяин внезапно стал сползать с кресла, хватая ртом воздух. Услышав хрип, он склонился к умирающему и поспешил к двери, чтобы позвать Георга, который тут же явился.

– Марта! Пошли за доктором, – сразу же распорядился старый слуга. – Но сначала нам нужно положить его в постель.

– Я помогу вам, – тут же предложил Альдо.

По правде говоря, Альдо мог бы справиться и один, без всякой помощи: несмотря на высокий рост, барон стал легче легкого. Бледное лицо барона побелело еще больше. Он уже не дышал, а хрипел, и старый слуга поднял на Морозини взгляд, в котором блестели слезы, а тревогу сменила боль.

– Боюсь, Ваше Высочество, что конец близок. Только силой воли он отодвигал свой смертный час, но теперь…

– Смерть вступила в свои права… Если вам нужна моя помощь, я могу задержаться.

– Мы были бы вам благодарны за помощь. Я попросил бы вас известить о происходящем барона Карла-Августа фон Хагенталя, дальнего родственника нашего барона… И его наследника, как я думаю! – неожиданно сердито объявил старый слуга, и Альдо понял, что Георг не жалует этого родственника.

– Он живет где-то неподалеку?

– Нет, в Австрии. В…

– Ты слишком много говоришь, Георг! – одернула его жена, входя в комнату с подносом, на котором стояла чашка с горячим питьем.

– Вам нечего меня опасаться, сударыня, – успокоил ее Альдо. – А для подобного рода извещений вам лучше всего обратиться к мэтру Массариа, нотариусу. Вам не понадобится даже адрес, его знает вся Венеция, а главное, он всегда на месте, чего не скажешь обо мне. И позвольте мне вручить вам вот это, – добавил он, доставая из бумажника купюру в двести франков. – Если деньги не пригодятся вам на другие нужды, украсьте могилу цветами, а я помолюсь за усопшего.

После того, как барона перенесли на постель, у Альдо не было никакой необходимости оставаться возле больного. Но ему не хотелось расставаться так скоро с этим незаурядным человеком, истинным рыцарем, который не считал себя вправе умереть до тех пор, пока не исполнит своего долга: хоть как-то возместить невинно пролитую кровь. И хотя она была пролита не им, эта кровь всю жизнь не давала ему покоя.

Однако Альдо понял, что его присутствие смущает Марту. Взгляд у нее был встревоженный. Еще он понял, что она боится встречи с наследником. Но почему? Нелепый и неуместный вопрос. Что ему за дело? Альдо в последний раз поклонился старику в черном бархатном одеянии, распростертому на кровати, и удалился.

Он уехал из замка по дороге, которая прямиком вела на холм Герцога Бургундского, как без затей окрестили его местные жители. Альдо остановил автомобиль и пешком направился к купе деревьев на вершине. Его охватило невольное волнение: он шел по той самой дороге, сейчас едва заметной, по которой когда-то следовал Карл. Альдо вообразил себе яркие шатры – плотный шелк поверх полотна, который делал их непроницаемыми для дождя – и развевающиеся флажки над ними. Сказочный город, внезапно возникший в этих местах, таил в себе множество сокровищ, и среди них самую удивительную драгоценность того времени… А сколько еще великолепных вещей, принадлежавших самому Карлу Бургундскому, – его трон, парадный меч, походная часовня с золотой, украшенной драгоценными камнями, священной утварью, реликвариями, шитыми золотом и серебром пеленами, несметное количество одежды, белья, дорожных сундуков, ларцов, полных драгоценностей… Любая обыденная вещь была украшена драгоценностями и могла считаться предметом искусства. Морозини не без улыбки представил себе одетых в кожу горцев с голыми руками, их молчаливое изумление, когда они проникли в этот сказочный город… А когда разграбили его, то и понятия не имели о ценности захваченных сокровищ. В этих краях не забыли истории, что

передается из поколения в поколение, о горце, который нашел великолепный бриллиант с жемчужной подвеской, положил его обратно в ларчик и пошел за тачкой, собираясь увезти вместе с остальным добром. А потом раздумал и продал безделушку за флорин пастору, а тот за три франка своим сеньорам…

Вся Швейцария обогатилась, получив эту манну небесную, но в первую очередь те, кто знал ей цену – банкиры, менялы, золотых дел мастера и ювелиры. Крестьяне продавали за гроши серебряную посуду, кромсали на куски великолепную парчу, продавая ее локтями суконщикам. Самые прекрасные драгоценности сосредоточились в конце концов в руках Фуггеров, богатейших купцов и банкиров Аугсбурга. С течением лет эти драгоценности перешли к Максимилиану, сыну императора Фридриха III, который женился на Марии Бургундской, единственной дочери Карла Смелого, что и поспособствовало необыкновенному могуществу рода Габсбургов. Затем сокровища перешли к Генриху VIII Английскому и исчезли, когда Кромвель поднял восстание против Карла I и отрубил ему голову…

Альдо бродил по холму довольно долго, погрузившись в размышления о прошлом, но грубая проза все-таки отвлекла его от грез: он проголодался. Морозини вернулся к машине и проехал еще несколько километров, но не в сторону Лозанны, а в противоположную, в глубь Швейцарии, и остановился возле живописной харчевни, где миловидная служанка подала ему не только сытный обед, но и бутылку «Кло-де-Мюрай», вина, которое Альдо не ожидал увидеть в этой глухомани. Две чашки кофе, две сигареты на десерт, и Альдо решил ехать не в Лозанну, а в Цюрих. После событий сегодняшнего дня он посчитал, что ему просто необходимо повидаться с тестем.

«Три брата» обнаружили тенденцию к размножению. В голове у Альдо вспыхнуло множество вопросов. И ему показалось, что никто лучше тестя не ответит на них.

Из Цюриха он, как и обещал – правда в шутку, вовсе не собираясь из Грансона отправляться в роскошную резиденцию Кледермана, – позвонит Лизе. Да, тогда он не собирался навещать тестя, но теперь не мог вернуться домой с одним из «Трех братьев» в кармане, прекрасно зная, что вся троица мирно покоится в сейфе дворца Морица Кледермана.

Несмотря на скверную погоду – снег пошел, как только Альдо выехал из Грансона, – он еще три часа ехал мимо полей, лесов, озер и холмов, увенчанных феодальными замками. Сильно подморозило, но гололеда, по счастью, не было, и Альдо с улыбкой повторял про себя, что очутился в стране Пер Ноэля.

Бурное движение на улицах Цюриха в час пик, когда все спешат с работы домой, вернуло его из сказки на грешную землю. Альдо знал, что тесть подолгу засиживается у себя в банке, и, поднимаясь по широкой мраморной лестнице, снова улыбался, представляя себе, как будет удивлен Мориц Кледерман его визитом. Лестница из мрамора и бронзы привела его к личному кабинету банкира, в приемной которого сидел секретарь, человек средних лет, скорее молодой, чем старый, казавшийся неотъемлемой частью роскошной обстановки.

– Добрый день, господин Бирхауэр, – весело поздоровался гость. – Если мой дорогой тесть сейчас не занят с каким-нибудь посетителем, я хотел бы увидеть его немедленно.

Присущая Бирхауэру невозмутимость не позволила ему удивиться вторжению экспансивного гостя.

– Нет, он сейчас один. Добрый вечер, ваше сия…

– Чудесно! Это все, что я хотел знать!

Альдо уже толкнул дверь, ведущую в кабинет, и громко провозгласил:

– Добрый вечер, Мориц! Простите за неожиданное появление, но мне необходимо поговорить с вами! Случилась невероятная вещь…

Кледерман, словно во время правительственного приема, только едва приподнял брови, выразив удивление.

– Альдо? Что-то случилось? Лиза?

– Нет, она не больна! Ни Лиза, ни ваши внуки! Иначе я просто позвонил бы вам, а не мчался по всей Швейцарии.

– Вы мчались по всей Швейцарии? И откуда же вы приехали?

– Из Грансона. Я навещал там умирающего барона.

– Вот как.

Кледерман протянул руку и снял трубку с внутреннего телефона.

– Меня нет ни для кого, Бирхауэр, – спокойно произнес он и положил трубку на рычаг.

Затем перевел глаза на зятя и секунду смотрел на него. Альдо весело улыбался.

– И что же, Альдо? Мне кажется, вы весьма возбуждены. Неужели вы так спешили поделиться со мной вашей новостью?

– Вернее будет сказать, находкой или открытием.

– Даже так?

И снова оба замолчали, потом Альдо, улыбаясь, задал новый вопрос:

– Ваш кабинет снабжен звукоизоляцией?

Снова повисло молчание, глаза банкира сузились.

– Может быть, нам лучше отправиться домой и поговорить там? Вы похожи на кота, который облизывается при виде мыши, собираясь съесть ее на обед. Я терпеть не могу играть роль мыши.

– Нет, я вовсе не злой кот, но, конечно, не отказался бы от стряпни вашего суперповара.

Кледерман больше не раздумывал. Он, обычно ходивший размеренно и неспешно, быстро направился к двери и на ходу распорядился:

– Бирхауэр, вызовите мою машину.

– Не стоит, – остановил его Альдо. – Я нанял машину в Лозанне.

– И сдадите ее здесь. Агентства этой фирмы повсюду одинаковы. Мою машину, Бирхауэр, закрывайте бюро и можете отправляться домой.

– Так рано?! Но сейчас еще нет и…

– Вот именно! Отдохните немного. Я еду домой и не хочу слышать о банковских делах до завтрашнего утра!

– Как скажете, господин Кледерман. Признаюсь, что позабыть о цифрах, слушая музыку Моцарта…

Блаженная улыбка на лице секретаря вызвала ответную улыбку банкира.

– Согласен, время от времени можно себя побаловать. Я тоже люблю Моцарта.

Десять минут спустя роскошный серебристо-серый автомобиль уже скользил вдоль озера. В нем царило молчание. Морозини, улыбаясь про себя, краешком глаза наблюдал несомненные признаки нетерпения у человека, чье бесстрастие вошло чуть ли не в поговорку. Один-единственный раз банкир вышел из себя, и при этом воспоминании у Альдо до сих пор пробегал мороз по коже…

Внезапно он услышал вкрадчивый вежливый голосок, который совсем не был похож на обычный полнозвучный баритон Кледермана:

– Вы в самом деле не хотите мне ничего сказать раньше, чем мы окажемся дома? Даже в моей машине, где не слышно урчания мотора?

Немного поколебавшись, Альдо полез во внутренний карман и достал футляр с оправой. Чудо-рубин давно уже спрятался в его правом носке согласно давней привычке к предосторожности.

– Почему же? Позабавьтесь этой игрушкой, только при одном условии, не зажигайте плафон.

– Можно подумать, что вы меня не знаете. Могли бы не предупреждать. Но…

Что это такое?

Привыкшие к хрупким и тонким вещам пальцы банкира вертели и ощупывали странную вещицу, которая пока еще оставалась загадкой, сообщив о себе только одно: она была изготовлена из золота. Не ожидая разгадки от своего спутника, Кледерман внезапно наклонился к окошку в кабину шофера.

– Вы ползете, Жозеф! Быстрее, черт побери!

Автомобиль рванул артиллерийским снарядом, обдав ветром влюбленную парочку, что миловалась, переходя улицу. Молодые люди замерли в испуге, но их тут же взбодрила очередь бранных слов, собранных по всем портам мира, которую не без восхищения выслушал отчасти шокированный Альдо.

– Мои поздравления, дорогой тесть, – наконец выговорил он, доставая платок и вытирая им лоб. – Я знал, что вы полиглот… Но впечатлен виртуозностью!

– Не отвлекайте меня, Альдо. Мы приехали.

Серебристый «Роллс-Ройс» остановился внизу у лестницы, и Кледерман уже мчался наверх со скоростью ветра, нисколько не заботясь о зяте, который, умирая со смеху, не отставал ни на шаг. Один за другим мужчины влетели в вестибюль, благо мажордом вовремя отворил массивную дверь, и с той же скоростью поспешили к главной лестнице.

– Все в порядке, Грубер? – успел бросить на ходу смеющийся Альдо.

– Я… О, господин князь! Надеюсь, ваше сиятельство здоровы. И ваша супруга…

– Все здоровы, все в порядке! Скоро увидимся!

Минуту спустя за ними закрылась дверь кабинета, и Альдо заметил, что Кледерман дважды повернул в двери ключ, что открывало доступ в комнату-сейф, где он совсем недавно пережил худшие минуты в своей жизни. В этой комнате находилось с десяток ячеек, но Альдо не последовал туда за тестем, ограничившись наблюдением за ним из удобного кресла, куда немедленно плюхнулся. Он примерно знал, что содержится в каждом из металлических ящиков, и немало удивился, что тесть занялся вторым сейфом. Альдо даже немного расстроился: неужели старый волк в одно мгновенье разгадал загадку, которую он ему загадал?

Да, так оно и было, он не ошибся. Мориц вернулся в кабинет с ларцом, украшенным бронзовыми накладками с гербом Бургундии, поставил его на письменный стол и открыл. На черном бархате засияли три великолепных густо-фиолетовых рубина. Кледерман положил оправу рядом.

– Она? – уточнил он с торжеством в голосе. – Оправа «Трех братьев»? И еще жемчужин и «Великого бриллианта Бургундии»?

Альдо сложил оружие. Ничего, у него в запасе еще один сюрприз.

– Да, она, – признал он, – и я вас от души поздравляю, что вы так быстро разгадали мою головоломку. Подсказок тут не было. А теперь, что вы скажете об этом?

Взгляд тестя выразил некоторое удивление, когда Альдо засучил правую брючину, запустил пальцы в носок и извлек оттуда маленький замшевый мешочек. Он держал его в руке до тех пор, пока не привел себя в порядок, и только потом вытряхнул его содержимое по другую сторону от оправы, не отрывая глаз от лица Кледермана. Альдо хотел насладиться изумлением тестя.

Он увидел даже нечто большее. С изумленным «ох!» Мориц с видом хищной птицы буквально вцепился в камень. Он взвесил его на ладони, рассмотрел каждую грань, положил рядом с другими, снова взял и почти уткнулся в него носом.

– Невероятно, – промурлыкал он наконец. – Совершенно невероятно! Никогда в жизни я не видел столь совершенной копии!

– Это не копия, – ответил Альдо и протянул ему свою ювелирную лупу. – Этот рубин был огранен в то же самое время и той же самой рукой, что и остальные. Он точно такой же подлинный.

Коллекционер получил удар в свое самое больное место. Он сердито нахмурился.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, что мои «Три брата» подделка?

– Я бы не решился утверждать это… Я хорошо их знаю… И вместе с тем…

– Что значит «вместе с тем»?

Морозини взял лупу и рассмотрел по очереди всех трех обожаемых «детишек» его тестя.

– Полагаю, вы подтвердили их подлинность, когда они к вам вернулись после путешествия по Франции? – осведомился он.

– Разумеется, да! Хотя нет! – совершенно неожиданно заявил банкир. – Я был так счастлив, что они вернулись…

– Дайте их мне! Мы должны убедиться.

На протяжении нескольких нескончаемых минут Альдо, преобразившись в придирчивого эксперта, осматривал один за другим рубины и наконец со вздохом положил их на стол.

– Сомнений быть не может. Это ваши камни.

Про себя Альдо молил Бога, чтобы голос его не выдал. В первый раз в жизни он выносил суждение, нет, конечно, не ложное, но приправленное сомнением, и это сомнение вызывали у него теперь рубины Кледермана. Он сам себе не верил. Сколько раз он имел счастливую возможность любоваться коллекцией тестя и всегда приходил в восхищение. Даже в кабинете Ланглуа на набережной Орфевр в Париже, когда раскрыли сумки, найденные на вилле Сен-Мор. И неудивительно! Коллекция была потрясающей! Так, может быть, тогда глаза

Альдо, завороженные игрой и блеском драгоценных камней, утратили присущую им остроту? Сомнения теперь близились к уверенности, но он предпочел таить ее про себя: рубины Кледермана вполне могли быть не настоящими «братьями», несмотря на разительное сходство с ними. Вполне!

Альдо забрал «свой» рубин, опустил в мешочек и вновь отправил в носок. Тесть следил за путешествием рубина с горестным удивлением.

– Неужели вы его заберете? – спросил банкир разочарованно.

– Конечно, заберу. В ячейке вашего сейфа он не принесет нам никакой пользы. Не забывайте, что кроме этого должны быть еще два точно таких же, не говоря о жемчужинах и знаменитом бриллианте. Но зато я вам подарю золотую оправу. Она слишком хрупка и вряд ли без потерь вынесет тяготы путешествия. Я, конечно, могу завернуть ее, но вряд ли мне удастся запихнуть ее во второй носок.

Кледерман признал его правоту и принял подарок с детской радостью, которая роднила его со всеми коллекционерами на земле.

– Сейчас мы это отпразднуем! – радостно объявил он. – Какое шампанское вам по душе?

– Любое! У вас в доме не бывает ничего посредственного! Но если вы позволите, я сначала позвоню Лизе.

– Вы хотите узнать ее мнение о шампанском?

– Нет. Когда я уезжал, она хотела узнать, куда я отправляюсь, а я объяснил, что не имею права говорить. Тогда она сказала: «Если ты случайно заедешь в Цюрих, позвони, и я тоже приеду».

Альдо взял трубку и попросил соединить его с Венецией. Ему пообещали сделать это через четверть часа. Альдо изумился: так быстро?! Да еще зимой!

Швейцарская телефонная компания работала на диво точно: через одиннадцать минут Морозини соединили с Венецией. Но не с Лизой. Однако он слушал

собеседника с таким вниманием, что банкир уже приготовился всерьез расспросить его, но тут его зять воскликнул:

– Немедленно еду!

И положил трубку с таким озабоченным видом, что тесть по-настоящему обеспокоился.

– Что случилось, Альдо? Что-нибудь с Лизой?

– Слава Богу, с Лизой все в порядке, но ее нет дома, потому что она только что уехала в Париж.

– В Париж? Но тогда что-то случилось с госпожой де Соммьер. Только в этом случае она могла уехать, не дожидаясь вас.

– Да, что-то в этом роде. Тетя Амели старше нас лет на сорок, и Лиза полетела ей на помощь, похоже, сильно разгневанная на меня за то, что меня никогда нет на месте, когда я нужен.

Кледерман рассмеялся.

– Вы не первый год женаты, Альдо, и должны были бы хорошо изучить характер своей жены!

Но у Альдо не было никакого желания смеяться.

– Так оно и есть, но дело совсем не в Лизе. Вчера утром исчезла Мари-Анжелин дю План-Крепен, она исчезла после утренней шестичасовой службы из церкви Святого Августина, где стала свидетельницей убийства, совершенного в исповедальне!.. Как вы думаете, если я выеду тотчас же на машине, это будет быстрее, чем на поезде?

– Я думаю, если сводка погоды приличная, вы сможете быть в Париже еще до полуночи, – ответил Кледерман, берясь за телефонную трубку.

– Не понимаю, каким образом.

– После наших последних приключений я обзавелся личным самолетом. Он доставит вас в Бурже, где вас будет ждать машина. У меня великолепные пилоты. Но я бы дал вам один совет: переночуйте у меня.

– Но…

– Послушайте меня, черт возьми! Сейчас уже ночь, у вас был трудный день. Вы будете в Париже совсем поздно и окажетесь без сил. Я уж не говорю о том, что перебудите весь дом. А я думаю, что госпожа де Соммьер больше всего нуждается в отдыхе, поскольку засыпает с большим трудом. Сейчас я отдам необходимые распоряжения, и вы будете в Париже к полудню завтрашнего дня. Как раз, когда туда приедет на поезде ваша жена.

– Думаю, что вы правы, – не мог не согласиться Альдо. – Но почему тогда Лиза не прибегла к вашей помощи, а решила трястись в нашем старом добром Симплоне?

– Только потому, что самолет – мое недавнее приобретение, и она о нем ничего не знает. Теперь я гораздо чаще буду видеться с внуками!

«Господи Боже мой! – невольно подумал Альдо, тут же представив себе своих предприимчивых близнецов. Стоит им узнать о самолете, удержу им не будет. Летающий дед! Только этого нам не хватало!»

Он предвидел также, что не один день – и не одну ночь тоже! – в его дворце все будут обсуждать невероятную новость, что слух о ней облетит всю Венецию по обе стороны лагуны, утвердив невероятные преимущества семейства Морозини по отношению ко всем прочим смертным, не так уж щедро в прямом и переносном смысле облагодетельствованным судьбой.

Кледерман потянулся к телефону.

– Одна минута, и все в порядке!

Альдо положил руку на рукав Морица, удерживая его.

– Спасибо. Не стоит беспокоиться.

– Почему? Вы боитесь самолета?

– Нет, но мне не хочется лишить Лизу возможности сделать сюрприз из своего приезда, ведь она так любит тетушку Амели! Все знают, что Лиза – мама-наседка и обожает свой дом. И вот она бросает его и мчится, не теряя ни секунды, ей на помощь. Тетя Амели будет очень растрогана, и я не хочу лишить мою жену прекрасного порыва, сыграв с ней злую шутку и приехав раньше нее. Если вы согласны потерпеть меня еще несколько часов, я охотно высплюсь, а завтра сяду на парижский поезд. К тому же у меня появится время зайти к «Шпрюнгли» и купить для моей бедной тетушки Амели ее любимые шоколадные конфеты. Вы скажете, мелочь? Но только из тысячи мелочей складываются великие дела. Однако, черт побери, в какую ловушку сунула нос наша неугомонная План-Крепен? Тетя Амели, я думаю, от расстройства заболела! Нет, только представьте себе, погнаться за убийцей, имея в качестве оружия зонтик и молитвенник!

Громко произнеся последнюю фразу, Альдо отправился спать.

Но прежде чем лечь, еще раз полюбовался рубином. Великолепным, вне всякого сомнения! Принадлежал он не знающему удержу герцогу Бургундскому или нет, неизвестно, но его красота наверняка влекла к себе многих, и он явно принадлежал к тем роковым камням, за которыми тянется кровавый след…

Глава 3

Военный совет

Появление Альдо на улице Альфреда де Виньи рассеяло то оцепенение, которое охватило всех после необъяснимого исчезновения Мари-Анжелин.

Первое, что увидел Альдо, это красные глаза Сиприена, свидетельство его бессонных ночей. Он постарался ободрить старика, но тот горестно покачал головой.

– Господин Альдо очень добр! И все тут у нас очень добрые… Но беда случилась по моей вине!

– По какой еще вине?

– Если бы мы с ней с утра не поссорились, мадемуазель не опоздала бы на мессу, и наш дом не погрузился бы в такое отчаяние. Как я виноват! Ох, как я виноват!

– Смешно это слышать, – возразил Адальбер, прибежавший на звуки громкого разговора. – Мадемуазель была в церкви, там произошло убийство, и никакая сила не помешала бы ей вмешаться в это дело! Рад тебя видеть, старина, – приветствовал он Альдо, обняв его и только потом крепко хлопнув по плечу.

– С каких это пор ты встречаешь меня объятиями?

– Случай исключительный, не жди, что войдет в привычку. Как ты здесь очутился? Кто тебя предупредил?

– Ги Бюто, вчера вечером. Я был в Цюрихе и…

– Почему ты мне сразу не сказал, что едешь к папе? – жалобно воскликнула Лиза, торопливо сбегая по лестнице.

– Потому что сам не знал, что поеду к нему. Я навестил по просьбе Массариа одного умирающего и, только побывав у него, нацелился на «дворец Кледермана». В этом случае я обещал тебе позвонить и позвонил. Так я узнал, что ты уехала и почему. И был очень растроган, поверь, – добавил он, погружая лицо в пышные волосы жены.

– Но это же так естественно. К тому же я так виновата перед твоей тетушкой.

– Ничуть. Ты же знаешь, она сама доброта.

В вестибюль спустилась и госпожа де Соммьер собственной персоной и тут же очутилась в объятиях Альдо. Нежно прижимая тетушку к себе, он почувствовал, что она слегка дрожит, и эта дрожь красноречивее любых слов сказала ему об отчаянии, в которое погрузило его тетю исчезновение верного «Санчо Пансы».

Однако ни выражение лица, ни манера держать себя никогда бы не открыли этого. Зная тетю Амели с детства, Альдо не удивился: она была настоящей маркизой, она умела владеть собой.

Альдо и себе не позволил расчувствоваться и собрался уже заговорить, но Адальбер начал первым.

– А можно мы не будем стоять в прихожей? – громко осведомился он. – Ты хотя бы завтракал, Альдо?

– В поезде. Но чашку хорошего кофе выпил бы с удовольствием.

С не меньшим удовольствием Альдо про себя отметил, что его ведут в зимний сад, а не в библиотеку, как он опасался. Возвращение в зеленую светлицу, неотъемлемой частью которой была План-Крепен, говорило, что тетя Амели поверила в будущее. И он подвел ее к любимому креслу, похожему на трон со спинкой в виде веера. Новостью было только то, что госпожа де Соммьер тоже попросила для себя кофе, а не своего любимого шампанского. Как и Альдо, она выпила целых три чашки, в то время как Адальбер рассказывал во всех подробностях, что произошло.

– Не слишком ли много кофе? – ласково упрекнул Альдо маркизу. – Вы опять не будете спать!

– Часом больше, часом меньше, не имеет значения, – отозвалась она. – С очками я прекрасно читаю. Продолжайте, Адальбер.

– Я почти уже закончил. Остается назвать только имя жертвы, погибшей в церкви Святого Августина, которое люди Ланглуа сумели узнать. Это оказалась графиня де Гранльё, которая долгое время жила на улице Веласкеса и которая…

– Как, ты сказал, ее фамилия?

– Гранльё. Она тебе знакома?

– Да… С недавнего времени. Или это очень распространенная фамилия?

– Есть только две графини де Гранльё, как утверждает наша маркиза: полусумасшедшая снобка, которая занимает теперь особняк на улице Веласкеса, выселив из него свою свекровь. И старая графиня, удалившаяся после смерти сына в родовой замок, где вечным сном мирно спят все члены ее семьи и где она чувствовала себя гораздо лучше, чем в Париже, потому что там ее родина и потому что с ней жила ее внучка.

– А где находится этот замок?

– Где-то в районе Ду. Со стороны Понтарлье.

– В бога…

– Альдо! – воскликнула госпожа де Соммьер. – Ты прекрасно знаешь, что меня приводит в ужас, когда упоминают имя Господа нашего всуе. Даже План-Крепен…

Тут она остановилась – запретное и такое родное имя слетело с ее губ! Но Альдо поспешил заполнить возникшую паузу.

– Вы знаете, откуда я приехал?

– Мы знаем, что из Швейцарии, – ответил Адальбер. – Но Швейцария велика. Будь добр, уточни, пожалуйста.

– Я был в кантоне Юра, а еще точнее, в Грансоне, куда меня пригласил один старый дворянин, родом австриец, принявший швейцарское подданство. Его мучили угрызения совести. Я бы даже сказал, он испытывал отвращение к бесчестному поступку, совершенному его дедушкой.

– Раскаиваться в чужом поступке, пусть даже собственного предка? Такое не часто встречается, – заметила Лиза и не без иронии добавила: – И что же он такое совершил, этот австриец, непочтенный предок?

– Отвлекись на секунду от Австрии и Швейцарии и вспомни, кто ты теперь! – живо отозвался Альдо. – Ты – Морозини, как та прекрасная дама в черной амазонке, чей портрет вместе с портретом моей мамы украшает нашу лаковую

гостиную в твоем дворце!

– Тетю Фелисию?! Так австрийский дедушка был…

– Тем, кто уничтожил ее мужа при обстоятельствах, о которых Фелисия и не подозревала, поскольку сразу же покинула Венецию и не попала в когти Хагенталя, который ее добивался.

– И за это твой барон хотел попросить прощения? – осведомился Адальбер.

– И еще передать мне очень скромное сокровище, которое досталось ему по наследству от жены. А теперь, может быть, вы не будете меня больше прерывать?

– Я, как самый болтливый, клянусь за всех остальных, – важно пообещал Адальбер, протянул руку и сделал вид, что плюнул на пол.

И заслужил сердитый взгляд друга, но уже в следующую секунду в самом деле слушал Альдо, не прерывая его. Он не произнес ни звука до тех пор, пока Альдо не вытащил из кармана мешочек с рубином.

– Черт побери! Какой подарок!

Лиза возмутилась.

– Но «Три брата» у моего отца! Разве нет?

– Мы с ним вместе совсем недавно внимательно их рассмотрели. Да, они у Морица. Но ведь и этот подлинный. Нужно постараться разгадать эту загадку. А сейчас для нас самое главное то, что такие же точно рубины находятся у двух невесток Хагенталя, и одна из них графиня де Гранльё, убитая в исповедальне церкви Святого Августина чуть ли не на глазах Мари-Анжелин. Я думаю, что в этот миг рубин обрел другого хозяина.

Повисло тягостное молчание: все присутствующие обдумывали предположение Альдо. Прервала его Лиза.

– А я думаю, – сказала она, – что все это нужно рассказать комиссару Ланглуа. И немедленно! Только у него есть возможности…

– Разумеется, мы все ему расскажем, – тут же прервал ее Альдо, но гораздо суше, чем следовало.

Лиза нахмурилась и открыла рот, чтобы все-таки высказать до конца все, что она по этому поводу думает. Но тут маркиза де Соммьер положила руку на Лизину и сказала с улыбкой, в которой нельзя было не заметить насмешки.

– Милое дитя мое, вам придется научиться обуздывать свои порывы и тем более желание дать совет, когда эти двое вышли на тропу войны.

– А они вышли? – огорченно переспросила Лиза.

– Побежали! Понеслись! И даже если бы не было Мари-Анжелин, которая сейчас для них стоит на первом месте, нельзя было бы им помешать ввязаться в историю, которая завертелась вокруг драгоценности, чья цена стала бы баснословной, если бы удалось найти все камни.

– Но эти камни у моего отца, – жалобно проговорила Лиза.

– Не все, и это видно по оправе, которую Альдо передал вашему отцу. Однако никто понятия не имеет, куда подевался легендарный «Великий бриллиант Бургундии»! Ну и бог с ним! Мы сейчас здесь не для того, чтобы искать исчезнувшие камни Карла Смелого, а для того, чтобы помочь План-Крепен вернуться к нам в добром здравии.

– Кто-нибудь знает, как проходит следствие? – поинтересовался Альдо. – И кто его ведет? Неужели сам Ланглуа? Я бы очень этому удивился.

– Молодой Соважоль, его любимец, – ответил Адальбер. – И это доказывает, что среди всех прочих дел именно этим они занимаются в первую очередь. Мы сейчас им позвоним, сообщим о твоем приезде и обо всем, что ты нам рассказал.

Он направился к телефону, подтверждая, что слово у него не расходится с делом, собираясь набрать номер полицейского управления, но внезапно

остановился.

– Если речь идет о «Трех братьях», настоящих или поддельных, то у кого же третий? – спросил он. – Эй, Альдо, отвечай! Что ты так на меня смотришь? У красавицы потекла тушь?

– Оставь твои дурацкие шутки! При чем тут тушь? Я вот, например, не знаю, как ты воспримешь то, что я собираюсь тебе сказать.

– Занято! Все время занято! – занервничал Адальбер, нажимая на рычаг. – Да говори же ты скорей! Не томи!

– Потом скажу. Время терпит. Сначала дозвонись, поговори с Ланглуа. Ты же не булочки у кондитера заказываешь!

– До чего же ты иногда невыносим, Альдо! Алло! Алло! Я хотел бы поговорить с главным комиссаром Ланглуа, соедините меня, пожалуйста! Ах, он вышел. Пожалуйста, передайте ему…

В трубке послышались короткие гудки. Одной рукой Альдо нажал на рычаг, а другой показал Адальберу на высокую фигуру комиссара, появившуюся в проеме двери. Ланглуа поцеловал руку госпоже де Соммьер, потом Лизе и только потом повернулся к мужчинам.

– Похоже, я правильно сделал, что пришел, – сказал он, слегка улыбаясь, что случалось с ним нечасто и придавало особый шарм его слишком правильному и поэтому суровому лицу. – Когда вы появились в наших краях, Морозини?

– Только что приехал, и Адалбер как раз звонил вам, чтобы сообщить о моем прибытии.

Госпожа де Соммьер поднялась, и вслед за ней сразу же встала Лиза.

– Мы предоставляем вам возможность поговорить по душам, господа! Только одно слово, комиссар! Есть ли новости относительно… Мари-Анжелин?

– Нового пока ничего. Но мы ищем, ищем…

– Меня удивит, если вам не помогут новости, привезенные Морозини. Он приехал к нам прямо из Швейцарии.

– Да неужели! И откуда же?

– Из Грансона, но с заездом в Цюрих к тестю.

Женщины не спеша направились к двери, а Морозини тем временем в нескольких словах рассказал о своем путешествии.

Когда он закончил свою историю, одна из складок на лбу комиссара, свидетельство его озабоченности, разгладилась. Он взял рубин и повертел его в руках, заставив вспыхнуть огнями. Но он по-прежнему молчал. Мужчины не рашались нарушить тишину.

– Невероятно, – вздохнул наконец Ланглуа, говоря скорее с самим собой, чем с собеседниками. – Стоит совершиться где-нибудь преступлению, которое каким-то образом связано с вашим домом, как выясняется, что ключом к нему служит какая-то драгоценность!

– Вы называете «какой-то драгоценностью» талисман Карла Смелого?! Тут вы ошибаетесь, господин комиссар, – запротестовал Альдо.

– Ну да, вы считаете это особенным делом, потому что вам подарили великолепный рубин. Но загадок тут не меньше, потому что коллекция Кледермана вне подозрений, и тем не менее вы клянетесь, что и этот рубин тоже подлинный.

– Готов дать голову на отсечение!

– Может быть, удастся найти и второй, когда мы пустим в ход полученные нами сведения. Машина, похитившая мадемуазель дю Палан-Крепен, судя по номеру, зарегистрирована в Швейцарии, в кантоне Невшатель. Это недалеко от Грансона, если говорить о Швейцарии, и недалеко от замка госпожи де Гранльё, если говорить о Франции. В замке сейчас нет никого, кроме слуг. Гвендолен, внучка графини, и мисс Фелпс, ее гувернантка, уехали в Англию, как сообщила Соважолю молодая графиня де Гранльё. Разумеется, мы проверили сведения.

Позвонили в Англию, подняли на ноги Уоррена, сведения оказались верными: девочка и гувернантка вот уже больше недели находятся в Англии. Соважоль сейчас во Франш-Конте. Получить какие-то интересные сведения от слуг – надежды мало. Их хозяйка совершенно неожиданно уехала в Париж накануне того дня, когда была убита. Причиной был телефонный звонок, который ее очень взволновал, но она никому ничего не рассказала. В Париж она отправилась на поезде, машина довезла ее только до вокзала в Понтарлье. С тех пор никаких известий.

– А План-Крепен? – спросил Адальбер. – О ней есть какие-нибудь известия?

Ланглуа смущенно отвел глаза в сторону, в то время как Адальбер и Альдо жадно смотрели на него.

– Вряд ли вы сомневаетесь, что я стал бы утаивать известия о Мари-Анжелин. Нам только известно, что ее похитили на улице Бьенфезанс, и больше никаких сведений у нас нет. Что касается самой машины, то из Берна на наш запрос ответили, что этот номер принадлежит члену Большого совета, который пользовался своим автомобилем на протяжении всех этих дней без малейших проблем.

– Снова поддельный номер, – горестно воскликнул Адальбер. – Похоже, мода на них среди мошенников не устаревает! Но я рад, что наши дамы удалились. С такими новостями их надежда увидеть Мари-Анжелин живой и здоровой сошла бы на нет. Негодяй, который перерезал горло пожилой женщине, не постесняется обойтись точно так же и с другой, а потом бросит ее в придорожную канаву на глухой дороге.

К удивлению Альдо, впрочем, не чрезмерному, на глазах Видаль-Пеликорна и в его голосе, который он старался сделать нарочито хриплым, были заметны слезы.

– Надеюсь, вы не сомневаетесь, что я свое дело знаю? – запротестовал комиссар. – Мы предприняли все меры, всех предупредили, но, судя по тому, что нам рассказал Морозини, смерть вряд ли грозит мадемуазель. Скорее ее держат как заложницу.

– Но для чего?

– Вижу, что путешествие вас утомило. Кто, как не вы, придали совершенно иной смысл свершившемуся преступлению? Разве не у вас находится теперь рубин, который, как я понял, принадлежал покойной госпоже Хагенталь, сестре жертвы? Шантажом, вполне возможно, пугая судьбой внучки, госпожу де Гранльё принудили отдать принадлежащий ей камень. Нет сомнения, что будут искать и другие, так как речь, судя по всему, идет о сокровище Карла Смелого. А есть возможность узнать, кто третья сестра и, стало быть, где находится третий камень?

Альдо на секунду заколебался. Назвать третье имя значило открыть плотину, чтобы на них с Адальбером хлынул поток проблем. Но если это как-то поможет спасти План-Крепен…

– Мне известна фамилия третьей сестры, – решительно заявил он.

– И это…

– Госпожа Тиммерманс, вдова бельгийского шоколадного короля!

– Черт и дьявол!

Восклицание вырвалось у Адальбера. И он поспешно добавил:

– Ты уверен?

– Совершенно уверен. Но, согласись, женщин такого сорта трудно забыть!

– Ты это мне говоришь?!

– Простите меня, господа, – вмешался в разговор Ланглуа, – но я еще не ушел, и мне хотелось бы принять участие в ваших заботах.

– Так оно скоро и будет, – вздохнул Альдо, смирившись. – Но если бы было возможно, мы бы предпочли держаться подальше от этого дела, и в особенности от этой дамы.

– По какой причине?

Адальбер прокашлялся, прежде чем ответить.

– Вы помните изумруды Монтесумы?

Во взгляде Пьера Ланглуа замерцал иронический огонек.

– Мне трудно было бы их позабыть, равно как и все остальные дела, в которых вы принимали участие. – Комиссар повернулся к Альдо. – Я знаю, что вы тогда потеряли дорогого друга, а Видаль-Пеликорн принял на себя выстрел, посланный в отмщение, чтобы не подвергать опасности карьеру молодого человека, метившего в прокуроры Республики. Однако молодой человек после этого дела не захотел идти в прокуроры.

– Вы знаете даже это?!

– Будем считать, что я догадался.

– Вы представить себе не можете, как вы облегчили мне задачу! Хотя я вас за это не благодарю.

– Главное, чтобы правосудие было на высоте. А теперь объясните, по какой причине вы хотите избежать встречи с госпожой Тиммерманс?

– И с бывшей баронессой Вальдхаус, дочерью госпожи Тиммерманс, тоже. Хотя в истории с ней больше пострадал Морозини, – сообщил Адальбер, более тихо, потому что в соседней комнате послышался голос Лизы. – Она сыграла с ним прескверную шутку…

– Прошу прощения за вторжение. – В дверь заглянула золотоволосая головка Лизы. – Тетя Амели спрашивает, не порадуете ли вы нас, пообедав с нами, господин комиссар?

Приглашенный вежливейшим образом отказался: к сожалению, у него этот вечер занят. Но, возможно, в какой-нибудь другой?

– В любой, какой пожелаете! Только назовите дату вашим собеседникам. Оставляю вас…

Лиза исчезла, дверь за ней закрылась.

– Ты думаешь, твоя жена подслушивает под дверью? – с комическим ужасом шепотом спросил Адальбер.

– Непременно подслушивает. Она не посрамит семьи Морозини. Однако вернемся к нашим баранам…

– Может быть, вы мне все расскажете у меня в кабинете на набережной? Мне почему-то кажется, что там вы почувствуете себя свободнее.

– Будем вам благодарны, – с явным облегчением ответил Альдо.

– Тогда до встречи. У меня в одиннадцать часов утра. Не напоминаю о точности, зная вашу пунктуальность. Думаю, сегодня вечером вам лучше побыть со своей семьей. Госпожа де Соммьер очень нуждается в вашей поддержке. Я не позволяю себе даже думать, что с ней будет, если вдруг…

Ланглуа остановился, не закончив фразы. Но ее подхватил и закончил Альдо:

– Если Мари-Анжелин не вернется живой? Думаю, тетя Амели постоянно думает об этом и не может справиться с наваждением. Уверен, она ни одной ночи не спала после исчезновения нашей План-Крепен.

К несчастью, так оно и было. И на следующее утро, когда Альдо и Адальбер поехали на набережную Орфевр, Лиза потихоньку отправила Сиприена к профессору Дьелафуа, старинному другу и врачу их семьи, с тем чтобы он прописал тете Амели легкое снотворное, которое ей можно было бы давать без ее ведома.

Профессор рассмеялся прямо в лицо верному мажордому.

– Скажите княгине, что ее предприятие обречено на провал. У нашей дорогой подруги нюх ищейки, она мигом распознает, что ей что-то подмешивают. А вы,

Сиприен, никогда ко мне не приезжали. В квартале сразу начнут болтать об этом, а я на сей счет необыкновенно чувствителен. В общем, сегодня я к вам заеду сам, в обычный час, когда у вас пьют шампанское.

– Самое печальное, профессор, что маркиза больше не пьет шампанского. Не хочет.

– Неужели? Дело гораздо серьезнее, чем я предполагал. Заеду непременно.

Собираясь к Ланглуа, Альдо и Адальбер стали настраивать скрипки в унисон, договариваясь, о чем будут рассказывать комиссару, а о чем промолчат, повествуя о своих взаимоотношениях с госпожой Тиммерманс и госпожой Вальдхаус. Но в конце концов решили, что говорить надо с полной откровенностью.

– Расскажем ему все! – предложил Адальбер. – Ей-богу, это будет лучше для наших дальнейших отношений. Тем более что мы понятия не имеем, что он знает сам и о чем успел догадаться. Я уверен, он оценит нашу прямоту и не станет вставлять нам палки в колеса, если мы осуществим небольшое путешествие, о котором, я думаю, ты мечтаешь так же горячо, как и я.

– Ты имеешь в виду путешествие во Франш-Конте? В самом скорейшем времени?

– Приятно, когда тебя понимают с полуслова.

– Согласен, но с одним условием: говорить будешь ты. Во-первых, всем известен твой ораторский талант, а во-вторых, ты врешь гораздо натуральнее меня.

Положив руки на подлокотники кресла, не выпуская из пальцев карандаш, Ланглуа с бесстрастным видом слушал Адальбера, ни разу не прервав его. И ни разу не шевельнувшись. Хотя Альдо, наблюдая за комиссаром, был уверен, что тот временами едва удерживается от смеха. Когда оратор завершил свою речь, комиссар оставался так же серьезен и даже закурил сигарету, прежде чем начать говорить.

– Благодарю за вашу искренность, господа. Итак, если я вас правильно понял, то вы оба опасаетесь встречи с этими дамами. Вы, Адальбер, с самой госпожой Тиммерманс, а вы, Морозини, с ее дочерью? Думаю, что смогу вас успокоить. Пока никакие слухи о деле графини де Гранльё не дошли до Брюсселя, и вполне возможно, никогда не дойдут…

– Никогда? В это я не поверю, – тут же откликнулся Альдо. – Судите сами: госпожу де Гранльё убили вдали от ее дома, и ничего при ней не нашли. Ни портмоне, ни сумочки. Опознала ее старушка-прихожанка, которая всегда ходит на утреннюю мессу и знает графиню, потому что та многие годы тоже жила в этом квартале. Я предполагаю, что графиня принесла на роковую встречу тот самый рубин, который у нее хранился. И почти в то же самое время ее шурин, барон Хагенталь, приглашает меня к себе и отдает мне второй рубин из трех, оставленных голландским коллекционером Кирсом своим дочерям. Безусловно, теперь мне ясно, что я должен был действовать, приняв хоть какие-то меры предосторожности… Скажу больше, злоумышленники, взяв План-Крепен в заложницы, начали охоту на второй камень. Они не оставят в покое и третий. Он может быть у шоколадной королевы, может быть у ее дочери, но наверняка ни та, ни другая не делают из этого тайны. Не сомневаюсь, что нужно их предупредить. Им грозит опасность.

– И при этом вы не хотите оказаться в поле зрении этих двух дам, когда они вынуждены будут принять участие в происходящем. Я вас правильно понял? – усмехаясь, уточнил полицейский. – А можете вы мне объяснить, Морозини, вы ведь как-никак специалист в этой области, как могло случиться, что три исторических драгоценных камня, о которых всем коллекционерам известно как о славе коллекции банкира Кледермана, вдруг оказываются в руках трех дочерей – и весьма уже немолодых – совершенно другого коллекционера, умершего не один десяток лет тому назад? Почему это было неизвестно до сих пор? Мне это кажется совершенно невероятным.

– Напрасно. Все коллекционеры ревниво хранят свои секреты. Что касается рубинов банкира, то я их видел вчера, и они совершенно того же возраста, точно такой же огранки, как этот. Они взаимозаменяемы. Я отдал оправу тестю, они идеально подошли к ней и великолепно смотрелись. Он не понимает, что происходит. Я тоже!

– Но вы не оставили свой рубин у него.

– Он хотел, чтобы я его оставил, но я предпочел взять его с собой.

– А вам не кажется, что при существующих обстоятельствах это опасно?

– Вполне возможно. Но он может послужить спасению человеческой жизни, и я счел за лучшее с ним не расставаться.

– Он при вас?

– Да, у меня в носке.

– Но ведь это неудобно? Китайская поговорка гласит, что камешек в обуви мешает смотреть на звезды.

– Повторяю, он в носке, так что все в порядке. И потом этот камешек все же не «Берег Бретани»[13 - Знаменитый рубин, принадлежавший французскому королевскому дому. Впоследствии он был огранен в виде дракона и украсил орден Золотого руна Людовика XV. Его можно увидеть в Лувре, в галерее Аполлона. (Прим. авт.)]!

Комиссар поднялся со своего кресла.

– Ну что ж, господа, в таком случае до следующей встречи, – произнес он. – Примите мои искренние поздравления по поводу истории с сокровищами Монтесумы. Ваши методы, может быть, не всегда легитимны, но уж точно действенны. Наша полиция строга, и я не могу предложить вам поступить к нам на работу, но Второе бюро[14 - Обозначение разведслужб во Франции. (Прим. пер.)] вы могли бы прославить.

– Не хотим вас огорчать, но нам хватает других занятий, – проскрипел Видаль-Пеликорн.

– У нас есть намерение продолжить поиски План-Крепен и продвинуться в них как можно дальше, – прибавил Альдо.

– И как далеко вы намереваетесь зайти? – осведомился комиссар.

– До победного конца. Надеюсь, вы в нас не сомневаетесь?

– Нисколько. Но прошу, обойдитесь, пожалуйста, без средств, которые вынудили бы меня вас арестовать.

Возвращаясь на улицу Альфреда де Виньи в красном с черными кожаными сиденьями «Амилькаре» Адальберта, который дежурный полицейский проводил добродушным взглядом, потому что он был знаком почти всей парижской полиции, Адальбер спросил:

– Как думаешь, он на это способен?

– Арестовать нас? Думаю, что да, если долг этого потребует. Но что-то мне подсказывает, что в случае, если невиновность наша будет доказана, нам без труда удастся избежать этого. Потому что арест и в самом деле был бы всего лишь досадной ошибкой.

Во второй половине дня, когда Альдо вернулся, купив сигареты, Сиприен сообщил ему, что у маркизы в гостях госпожа де Гранльё, она приехала и попросила принять ее.

– Графиня в трауре, – уточнил старый мажордом, – и это меня очень удивляет: она не носила траур даже по мужу.

– Можно подумать, что вы с ней знакомы?

– Близким знакомством это трудно назвать, но улица Веласкеса в двух шагах от нас, а госпожа де Гранльё вполне хороша собой, так что заметить ее нетрудно.

– Попробуем рассмотреть этот феномен поближе. Я впервые слышу о вдове, которая бы оплакивала свекровь больше, чем мужа.

– Осмелюсь напомнить, что свекровь была убита.

– Вы правы, Сиприен, это обстоятельство налагает особые обязательства.

Молодой говорливый голосок доносился из зимнего сада, и Альдо направился туда, радуясь про себя, что тетушка Амели опять сидит там в своем царственном кресле, а это говорит о том, что она немного пришла в себя и вновь готова бороться. Однако на столике, возле которого находилась Лиза, вопреки обыкновению не стояли бокалы и ведерко с шампанским. Да и Лизе плохо удавалась роль дю План-Крепен, она за этим столиком не раскладывала пасьянсов и не одерживала победу за победой.

Альдо вошел, и гостья тут же повернула к нему голову. Определение Сиприена, что гостья довольно хороша собой, было откровенным преуменьшением.

Глухое черное платье подчеркивало сияющую белизну кожи, какой славятся настоящие англичанки, большие голубые глаза – может быть, слишком бледные, – очаровательный рот и маленький безупречный носик. Увидев Альдо, она засверкала кокетливой улыбкой, которая плохо сочеталась с траурным платьем, и даже сделала движение, как бы устремившись ему навстречу.

– Мой племянник, князь Морозини, – представила Альдо несгибаемая госпожа де Соммьер. – Графиня де Гранльё, невестка погибшей в церкви Святого Августина.

Альдо слегка наклонил голову, но не поцеловал протянутой ему руки в кольцах.

– Примите мои искренние соболезнования, мадам.

После чего Альдо сел рядом с Лизой у столика.

– О, мы не были так уж близки, и я огорчаюсь прежде всего за вас. Как мне рассказали, ваша служанка, желая прийти на помощь моей свекрови, бросилась…

– Мадемуазель дю План-Крепен принадлежит к знатному роду, ее предки принимали участие в Крестовых походах. Она не заслуживает того, чтобы в доме родственников ее называли служанкой, – сухо отозвался Альдо.

На миг ему показалось, что гостья вот-вот расплачется, такой у нее стал горестный вид.

– Простите меня великодушно, князь. Я повторила только то, что слышала. Я живу на улице Веласкеса, но, может быть, оттого что я англичанка и много путешествую…

– Кто же вам сказал такую нелепость? – поинтересовалась Лиза с сочувствующей улыбкой. – В квартале все знают мадемуазель дю План-Крепен и считают ее скорее экзотической птицей…

– Даже не знаю кто… Скорее всего тот полицейский инспектор, который пришел ко мне и сообщил ужасную новость.

– Инспектор Соважоль? – уточнил Альдо.

– Да, наверное. У этих людей нет доступа к высшим слоям общества. Им ничего не стоит спутать салфетку с тряпкой. Но как бы там ни было, я выражаю свое глубочайшее сочувствие госпоже де Соммьер и очень хотела бы теперь поддерживать с вашим домом дружеские отношения, раз уж жизнь нас сделала, так сказать, друзьями по несчастью…

– Ничего не может быть нам приятнее, – неожиданно сменил гнев на милость Альдо. – И ваша любезность, думаю, позволит мне задать вам вопрос: как случилось, что вы даже не подозревали, что госпожа де Гранльё в Париже? Для того, чтобы прийти так рано в церковь, она должна была где-то переночевать. Не с вокзала же она пришла. Так почему же не у вас?

– Из боязни побеспокоить. Вы представить себе не можете, до какой степени она была щепетильна. И очень застенчива. Поэтому, приезжая в Париж, всегда останавливалась в гостинице.

– Какой? «Рояль Монсо»?

– Нет, в гостинице для пассажиров возле Восточного вокзала. «Терминюс», так она, кажется, называется. Богатые отели ее смущали.

– Хотела бы я знать чем, – поинтересовалась Лиза, которой, судя по всему, не терпелось внести свою лепту в любопытный разговор. – В хороших гостиницах, как правило, опытный персонал, умеющий оценить клиента по достоинству и

помочь ему в любой ситуации. Застенчивой знатной даме находиться в таком месте гораздо комфортнее, чем в сутолоке привокзальной гостинички.

– Откровенно говоря, даже не знаю, что вам ответить. Но случилось то, что случилось, вот и все.

Гостья встала.

– Позвольте мне поблагодарить вас за прием, и я искренне надеюсь, что мое короткое посещение положит начало долгой дружбе. Я, со своей стороны, побывав в вашем приятном обществе, очень бы этого хотела…

– Ваше пожелание нас радует, и мы его разделяем. Кстати, вы обмолвились, что много путешествуете.

– Да, все зависит от настроения. Но из-за этого неприятного дела я какое-то время поживу у себя. А потом поеду в Англию за дочерью.

– Мне говорили, что ваша дочь часто ездила к бабушке, – заметила маркиза.

– Да, часто. Горный воздух полезен для ее легких. И потом она полюбила те края, безусловно, красивые… Но суровые. И невероятно холодные зимой. По счастью, она не присутствовала при драме. Гувернантка моей дочери, мисс Фелпс, должна была поехать в… Карлайл по семейным делам и попросила у меня разрешения увезти с собой Гвендолен. Девочка не любит с ней расставаться. А в горах как раз было так много снега, и он грозил завалить замок…

Появление на сцене Адальбера прервало разговор, который стал казаться Альдо несколько бессвязным. Вновь последовала церемония представления, и, увидев перед собой столь прелестную особу, археолог сразу расцвел. Особа сразу же это заметила и послала археологу сокрушающую улыбку. Альдо поспешил положить конец опасному сближению. Он прекрасно помнил, чем чреваты вспышки сердечной активности его обожаемого друга, и демонстративно взглянул на часы.

– Чудо из чудес! Впервые вовремя! С вашего разрешения, милые дамы, мы вас покидаем!

– А ку… – начал было Адальбер, но толчок ногой под столом помешал ему продолжать.

Хотя он так и не смог припомнить, на какую встречу его так торопит Альдо, но тем не менее любезно распрощался с дамами, искренне уверив свою новую знакомую, что крайне огорчен, расставаясь с ней, едва успев ее увидеть. И буквально через пять минут Адальбер уже сидел в машине, так и не поняв, как это произошло.

– Что-то я никак не припомню: какая же это встреча у нас назначена? – пробурчал он. – Куда мы едем?

– Куда пожелаешь, – миролюбиво отозвался Альдо, закуривая сигарету. – Можем выпить по стаканчику в кафе «Де ла Пэ», в «Серкль» на улице Рояль или в «Хэррис-баре».

– А тогда зачем, спрашивается, было меня похищать? Потому что иначе, чем похищением, это не назовешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/zhuletta-benconi/talisman-karla-smelogo-10829531/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Шотландцы останутся главным подразделением личной охраны короля вплоть до Великой Французской революции. (Прим. авт.)

2

Французский король Иоанн II Добрый наградил за доблесть в битве при Пуатье младшего из своих сыновей, Филиппа, который получит прозвание Смелого, богатым герцогством Бургундия. Сыном Филиппа был Филипп II Добрый, ставший отцом Карла, которого тоже прозвали Смелым. (Прим. авт.)

3

Каждый прихожанин ходил к своему духовнику, поэтому они знали, в какой день какой священник исповедует. (Прим. авт.)

4

Имеется в виду набережная Орфевр, где находится Главное полицейское управление. (Прим. авт.)

5

Мажордом, дворецкий (англ.).

6

Битва при Грансоне – одно из сражений Бургундских войн. Произошло 2 марта 1476 г. около города Грансона между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось победой швейцарцев. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания ред.)

7

Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник, один из наиболее успешных живописцев Прекрасной эпохи. Родился во Флоренции.

8

Франц Ксавер Винтерхальтер (1805–1873) – немецкий живописец и литограф, известный своими портретами царственных особ Европы середины XIX столетия. Его имя тесно связано со светской придворной портретной живописью.

9

«Три славных дня (Июльская революция или Французская революция 1830 года, Вторая французская революция) – восстание в июле 1830 г. во Франции, приведшее к свержению Карла X и возведению на престол Луи-Филиппа, герцога Орлеанского. Она ознаменовалась переходом от одной конституционной монархии – реставрации Бурбонов к другой – Июльской монархии, переходом власти от дома Бурбонов к его младшей ветви, Орлеанскому дому, торжеством принципа народного суверенитета над принципом божественного права короля, а также установлением либерального режима и окончательным торжеством буржуазии над земельной аристократией.

10

Очевидно, старый слуга решил повысить статус Альдо Морозини. На самом деле к нему следовало обращаться «ваше сиятельство».

11

Битва при Муртене – одно из самых значительных сражений Бургундских войн. Произошло 22 июня 1476 г. около крепости Муртен в кантоне Берн между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось убедительной победой швейцарцев.

12

Битва при Нанси – решающее сражение Бургундских войн, произошедшее 5 января 1477 г. около столицы Лотарингии – г. Нанси, между швейцарско-лотарингскими войсками (поддержанными Францией) и войсками бургундского герцога Карла Смелого. Последний пытался захватить Лотарингию с целью соединения своих разрозненных владений (Нидерланды и герцогство Бургундия) и создания самостоятельного королевства. Исход битвы решили швейцарцы: бургундские войска были разбиты, а Карл Смелый убит.

13

Знаменитый рубин, принадлежавший французскому королевскому дому. Впоследствии он был огранен в виде дракона и украсил орден Золотого руна Людовика XV. Его можно увидеть в Лувре, в галерее Аполлона. (Прим. авт.)

14

Обозначение разведслужб во Франции. (Прим. пер.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhyuletta-benconi/talisman-karla-smelogo-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить